

**ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТАРИ Ф.
КАПИТАЛИЗМ И ШИЗОФРЕНИЯ. АНТИ-ЭДИП**

**DELEUZE G., GUATTARI F.
Capitalisme et schizophrénie**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. Машины желания

Глава II. Психоанализ и фамилиализм: святое семейство

Глава III. Первобытные люди, варвары, цивилизованные

Глава IV. Введение в шизоанализ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ВСЕСОЮЗНЫЙ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ ЦЕНТР НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ
(при президиуме АН СССР)

ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф.

КАПИТАЛИЗМ И ШИЗОФРЕНИЯ. АНТИ-ЭДИП

DELEUZE G., GUATTARI F.

Capitalisme et schizophrénie. – P: Ed. de Minuit, 1972. – (Coll. Critique). – Т. 1: Anti-Oedipe. – 470 p.

Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования»

Москва 1990

Ответственный редактор выпуска – кандидат философских наук С.Я.ЛЕВИТ
Сокращенный перевод-реферат кандидата философских наук М.К.РЫКЛИНА

ВВЕДЕНИЕ

Шизоанализ утвердил себя как направление в современной французской философии благодаря совместным работам Ж.Делёза и Ф.Гватари.

Он связан с созданием теории маргинальных групп, которые признаются первичными по отношению к любым видам коллективности, а также с представлением о языке как о несущественной части неязыкового поля, представленной в этой концепции машинами желания. Мир желания, который так прославляется в шизоанализе, мир, где «все возможно», приравнивается к миру шизофренического опыта особого рода (не тождественного клиническим формам шизофрении). «Состоявшимися шизофрениками» называются философы и писатели – Арто, Батай, Лоури, – перешедшие предел, удерживающий производство желания на периферии общественного производства, сделавшие один вид производства тождественным другому. Подобно шизофрении, в понимании Делёза и Гватари, философия – это процесс, а не цель, производство, а не выражение.

Делёз называет художников «клиницистами цивилизации», сближая их со знаменитыми врачами-симптомологами, обновившими диагностику; «художники – это клиницисты, но не своей болезни и не болезни вообще, а цивилизации... оценка симптома может совершиться лишь через роман...» [Deleuze G. *Logique de sens*. P., 1969. – P. 277.]. Каждый из подобных клиницистов (А.Арто, С.Фитцджеральд, М.Лоури) максимально рискует, экспериментируя на себе, и этот риск дает неотъемлемое право на диагноз. Что же выпадает на долю философа? «Говорить о ране Боске, об алкоголизме Фитцджеральда и Лоури, о безумия Ницше и Арто, оставаясь на берегу? Или самому немного заглянуть туда, быть немного алкоголиком, немного безумцем... настолько, чтобы создать психическое расстройство, но не углубить его до бесповоротности?» Делёз отвечает однозначно: да, заглянуть самому и испытать на себе первориск творца, и тогда появится возможность мыслить этим опытом, войти в его событие, а не делать его объектом «незаинтересованного» созерцания, которое этот опыт разрушает.

В этом движении отвергается прежде всего неспособность философии от Канта до Гуссерля порвать с формой общего чувства, в результате чего трансцендентальный субъект сохраняет форму личности, персонального сознания субъективного тождества, удовлетворяясь калькированием трансцендентального с эмпирического. То, что очевидно у Канта, когда он выводит три вида трансцендентального синтеза из соответствующих видов психологического синтеза, остается в силе применительно к Гуссерлю, выводящему изначальное, трансцендентальное «видение» из перцептивного «зрения». Таким образом, в понятии смысла не только задается все то, что нужно породить с его помощью, но, что более существенно, это понятие затемняют, смешивая выражение с другими измерениями, от которых его обещали отличать.

Гуссерль показал независимость смысла от целого ряда модусов в соответствии с требованиями феноменологической редукции. Но понять смысл как непроницаемую нейтральность ему мешает забота о сохранении в феноменологии рационального модуса здравого смысла (общего чувства), неверно понимаемого им как матрица и праформа.

В противоположность ориентациям на рациональный модус здравого смысла, философия Делёза и Гватари опирается на безличное и доиндивидуальное поле, которое (несмотря на попытки в этом направлении, например, Ж.-П.Сартра) неопределимо как поле сознания: нельзя сохранить сознание как среду, отказываясь от формы личности и точки зрения индивидуации. «Трансцендентальную философию, – пишет Делёз, – роднит с метафизикой прежде всего альтернатива, которую они навязывают: или недифференцированный фон, бесформенное небытие, бездна без различий и свойств, или индивидуальное суверенное Существо, высоко персонализированная форма. Вне этой формы или этого Существа – хаос... Другими словами, метафизика и трансцендентальная философия сходятся в понимании произвольных единичностей (сингулярностей) лишь как персонифицированных в высшем Я» [Deleuze G. *Logique de sens*... 129.]. Будучи доиндивидуальными, неличностными, аконцептуальными, они коренятся в другой стихии. Эта стихия называется по-разному – нейтральное, проблематичное, чрезмерное, невозмутимое, но за ней сохраняется одно общее свойство: индифферентность в

отношении частного и общего, личного и безличного, индивидуального и коллективного и других аналогичных противопоставлений (бинарных оппозиций). Другими словами, произвольная единичность или сингулярность неопределима с точки зрения логических предикатов количества и качества, отношения и модальности. Сингулярность бесцельна, ненамеренна, нелокализуема. Например, произвольная единичность битвы не позволяет ей осуществиться, не дает поделить ее участников на трусов и храбрецов, победителей и побежденных; битва как событие разворачивается за всем этим, за ее осуществленностью.

Классовый анализ в шизоанализе не отменяется, но оказывается второстепенным по отношению к логике самого желания: он ограничивается «предсознательным интересом», в то время как желание относится к более глубокому бессознательному пласту. Буржуазия рассматривается при этом как единственный класс капиталистического общества, которому противостоит не пролетариат, а «группа в слиянии» (термин Сартра) или «состоявшийся шизофреник». Революционный потенциал сосредотачивается на полюсе маргинальных групп, а не на полюсе классов.

Шизоанализ оказал большое влияние на формирование новой философии и других направлений философского маргинализма во Франции.

М.К.Рыклин

Глава I. МАШИНЫ ЖЕЛАНИЯ

Постоянное производство самого производства, привитие производства к продукту, составляет свойство машин для первичного производства. На картине Ричарда Линднера «Мальчик с машиной» изображен огромный, раздувшийся ребенок, прививший себе, запускающий одну из маленьких машин желания в большой социальной технической машине.

Из производства следует продукт как часть тождества продукт/производство. Это тождество образует третий термин в линейной серии, это как бы огромный недифференцированный объект. Все на мгновение останавливается, застывает (потом все снова заработает). В каком-то смысле больше хотелось бы, чтобы ничто не работало, не функционировало: не рождаться, остановить колесо рождений, остаться без рта для сосания, без ануса для испражнения. Достаточно ли повреждены машины, достаточно ли число деталей от них отвалилось, чтобы они превратились сами и нас превратили в ничто? Видимо, для этого потоки энергии еще слишком связаны, частичные объекты еще слишком органичны... Наш организм создаваем машинами желания, но в лоне этого производства, в самом этом производстве тело страдает от такого устройства, страдает от того, что оно не организовано по-другому, что оно вообще организовано... Автоматы перестают работать, из них вываливается составлявшая их неорганизованная масса. Полное тело без органов непродуктивно, стерильно, непорождено, непотребляемо. Бесформенное и бесструктурное, оно было обнаружено на своем месте Антоненом Арто. Инстинкт смерти – вот его название, а смерть может быть смоделирована. Но желание желает также этого, смерти, потому что полное тело смерти является его неподвижным двигателем, как оно желает жизни, потому что органы жизни представляют собой его *working machine* [Работающая машины (англ.) – Прим. перев.]. Не нужно спрашивать себя, как все это вместе работает: сам этот вопрос – продукт абстракции. Машины желания работают исключительно в поврежденном состоянии, бесконечно ломаясь. Президент Шребер долгое время жил без живота, без кишок, почти без легких... без мочевого пузыря; иногда он питался частями своей гортани и т.д. Тело без органов непродуктивно, но оно, тем не менее, производится на своем месте и в свое время в процессе коннективного синтеза, производится в качестве тождества производства и продукта... Тело без органов не является свидетелем изначального ничто, точнее, является им не более, чем остальная часть утраченной целостности. Прежде всего это не проекция, у него нет ничего общего с собственно телом или с образом тела. Это тело без образа. Непродуктивное, оно существует там, где производится, в третьем времени бинарно-линейной серии. Оно постоянно вновь вводится в производство... Полное тело без органов составляет часть антипроизводства. Но это еще одно свойство продуктивного или коннективного синтеза: подсоединять производство к антипроизводству, к элементу антипроизводства.

Имеет место конфликт между машинами желания и телом без органов. Сцепления, производство, шум машин невыносим телу без органов. Арто писал: Тело есть тело (оно одиноко), оно не нуждается в органе (тело – никогда не организм), организмы – враги тела. Машинам-органам тело без органов противопоставляет скользкую, непроницаемую и натянутую поверхность; связанным, соединенным или отключенным потокам оно противопоставляет недифференцированную аморфную текучесть. Фонетически артикулируемым словам оно противопоставляет разные виды дыхания и крика, являющиеся как бы неартикулированными блоками. Мы полагаем, что это и есть смысл изначального вытеснения: не «контринвестиция», а отталкивание телом без органов машин желания. А именно таково значение параноидальной машины, действие вторжения машин желания в тело без органов и отталкивающая реакция тела без органов, которое в целом относится к ним как к аппарату преследования... эта машина зарождается сразу, в оппозиции процесса производства машин желания и непродуктивного положения тела без органов... проекция вторична, как и контринвестиция.

Если мы хотим составить себе представление о позднейших воздействиях тела без органов в непрерывном процессе, то мы должны воспользоваться параллелью между производством желания и общественным производством. Это не просто феноменологическое сравнение... Просто формы общественного производства также

включают в себя непорожденную непродуктивную остановку, элемент антипроизводства, спаренный с этим процессом, полное тело, могущее быть определенным как социус. Это может быть тело земли, деспотическое тело или капитал. Именно об этом теле говорит Маркс: это – не продукт труда, но он появляется как его естественная или божественная предпосылка. Оно не удовлетворяется противостоянием производительным силам как таковым. Оно обрушивается на производство, составляет поверхность, на которой распределяются силы и агенты производства, так что в результате оно овладевает прибавочным продуктом и приписывает себе процесс в целом и его части, которые теперь как бы вытекают из него как из некоей квазипричины... Короче, социус как полное тело образует поверхность, на которую записывается – и из которой, по-видимости, вытекает – любое производство. Общество конструирует свой психоз путем записи процесса производства, но это не психоз (бред) сознания, точнее, ложное сознание является истинным сознанием ложного движения... истинным восприятием движения, которое имеет место на поверхности записи. Капитал является телом без органов капиталиста... Но как таковой он – всего лишь текучая и окаменевшая субстанция денег... Он производит прибавочную стоимость так же, как тело без органов производит самого себя, он разрастается и заполняет собой весь мир... Все (объективно) кажется продуктом капитала как квазипричины... Полное тело какого-либо типа составляет часть всех обществ как константа воспроизводства общественных отношений.

Тело без органов обрушивается на производство желания, притягивает его и овладевает им... Непродуктивное, непотребляемое тело без органов служит поверхностью записи всех процессов производства желания, так что создается впечатление, будто машины желания проистекают из него. Органы возрождаются, преобразуются на теле президента Шребера, которое притягивает к себе луча Бога. Древняя параноидальная машина, конечно, сохраняется в виде насмешливых голосов, стремящихся «распреобразить» /возвратить в исходное состояние/ органы и прежде всего анус президента. Но главное – это образование заколдованной поверхности записи, приписывающей себе все производительные силы и органы и действующей как квазипричина, сообщая им видимое движение (фетиш). Поэтому справедливо, что шиз занимается политической экономией и что сексуальность является делом целиком экономическим.

Но производство записывается не так, как производятся, точнее, оно воспроизводится по-другому, поскольку закон производства – коннективный синтез или спаривание. Но когда продуктивные связи переходят от машин к телам без органов (как от труда к капиталу), они, можно сказать, попадают под действие другого закона, который выражает распределение по отношению к непродуктивному элементу как «естественной или божественной предпосылке» (дизъюнкция капитала). Шизофреническое «или... или» сменяется логическая «а потом», системой возможных пермутаций между различиями, которые, смещаясь и скользя, всегда возвращаются к одному и тому же. Дизъюнктивность мира шизофреника связана с тем, что различал для него реальны. Между тем дизъюнктивный синтез записи скрывает конъюнктивные синтезы производства... если называть либидо коннективную «работу» производства желания, нужно заметить, что часть этой энергии переходит в энергию дизъюнктивной записи (Нумен). Имеет место энергетическая трансформация. Но зачем называть божественной новую форму энергии? Тело без органов – это вовсе не Бог, но божественность есть пронизывающая его энергия... Отсюда странные отношения Шребера с Богом. Спрашивающему: верите ли вы в Бога? – мы должны в строго кантовском или шреберовском духе ответить: да, конечно, но только в Бога как в хозяина дизъюнктивного силлогизма, как в априорный принцип этого силлогизма (Бога как Полноту Бытия, из которой путем разделения следуют производные реальности).

Божественный – это не более как свойство энергии дизъюнкции. Паранойя разделяет, между тем как истерия конденсирует, сплавляет. Откуда у Фрейда признание первичности конденсации перед разделением? Из желания поддержать Эдипа в Боге. Но разве запись желания проходит через Эдипа? Не есть ли сам Эдип требование и последствие процесса социального воспроизводства? Моллои спрашивают в комиссариате полиции: кто твоя мать, отец? [Моллои – герой одного из романов С.Беккета. – Прим. перев.] Психоаналитик утверждает, что нужно обнаружить папашу за высшим Богом Шребера, а почему бы тогда и не обнаружить старшего брата за низшим Богом. Иногда шизофреник начинает волноваться

и говорит, чтобы его оставили в покое. Иногда он принимает правила игры, даже дополняет их, утверждая: «Моя мать – Богородица». Насилие Фрейда над Шребером состоит в том, что он вписывает его в Эдипов треугольник. Арто заявляет: «Я – свой собственный сын, отец, мать и я». Шизофреник тем самым «спутывает все коды». Как бы машины-органы не приставали к телу без органов, последнее не становится от этого менее телом без органов, но становится от этого вновь организмом в обычном смысле слова. Оно сохраняет текучий и скользящий характер. Луча, птицы, голоса, нервы вступают в сложные генеалогические отношения пермутации с Богом и разделенными формами Бога. Но все, даже совокупления агентов, даже деления Бога, происходит и записывается на теле без органов. Все совершается на несотворенной поверхности, как вши двигаются в гриве льва. Запись накладывается на производство, но создание записи осуществляется «производством производства». Равным образом потребление следует за записью, но производство потребления произведено через производство записи и в нем. Дело в том, что лишь на поверхности записи можно зарегистрировать нечто, что относится к порядку субъекта. Это, впрочем, странный субъект, без фиксированного тождества, бродящий по телу без органов, всегда находящийся по соседству с машинами желаний... рождающийся из состояний, которые он потребляет и возрождающийся в каждом состоянии... Производство желаний уже, конечно, является непосредственно потреблением и поеданием, т.е. «сладострастием». Но таковым оно является еще не для субъекта, который задается лишь путем дизъюнкций на поверхности записи, в том, что остается от каждого деления. Это отлично осознавал все тот же президент Шребер: для него имеется постоянная норма космического наслаждения, так что Бог ищет удовлетворения своего сладострастия со Шребером, пусть ценой трансформации Шребера в женщину. Но сам президент испытывает лишь остаточную часть сладострастия, как выплату за свои страдания или как награду за становление женщиной. «Мой долг доставить богу это удовольствие... а моей чувственное удовольствие – незначительное возмещение», – повторяет он. Как часть энергии либидо превращается в энергию записи, так же ее другая часть превращается в энергию потребления (Волуптас). Этой остаточной энергией питается третий синтез бессознательного в форме «следовательно» или производство потребления. Здесь производится субъект. Машина безбрачия (холостячества) следует за параноидальной машиной вытеснения и преобразующей машиной притяжения как компромисс между ними: осуществляется новый альянс между машинами желаний и телами без органов для порождения нового человечества или великолепного организма... Это все равно что сказать, что субъект является продуктом, как и все другое, наряду с машинами желаний, или что сам он смешивается с третьей производящей машиной и остаточным примирением, которое та совершает: а именно с конъюнктивным синтезом потребления в форме восхищенного возгласа: «Так вот что это было!». Мишель Каруж – автор термина «машина безбрачия», к числу которых относятся /картина/ «Замужняя женщина, раздетая девятью холостяками» Дюшана, машина из рассказа Кафки «В исправительной колонии», машины Раймона Русселя, Эдгара По, а также «Будущая Ева» Вилье-де-Лиль-Адана. Сначала это древняя параноидальная машина, с пытками, тенями, старым Законом, точнее, воспоминание о ней. Скорее, это не сама параноидальная машина, она от нее отличается: иглами, колесами, шестернями и пр. Даже умерщвляя, она проявляет некую «солярную мощь». Во-вторых, эта трансфигурация на может быть объяснена преобразующей способностью, которой машина обязана записи, которую она скрывает. Машина безбрачия производит интенсивные количества, она есть шизофренический опыт чистых количеств. Галлюцинации и бред предполагают какое-то более глубокое «я чувствую», дающее галлюцинациям их предмет, а бреду – его содержание. Бред и галлюцинации вторичны по отношению к подлинно первичной эмоции, опыту чистых количеств, типов становления, переходов. Откуда эти чистые интенсивности берутся? Из двух вышеозначенных сил (отталкивания и притяжения) и их противостояния. Это не значит, что сами интенсивности противостоят друг другу, уравниваясь каким-то нейтральным состоянием. Напротив того, они все позитивны, начиная с интенсивности=0, означающей полное тело без органов. Противостояние сил притяжения и отталкивания производит открытую серию интенсивных элементов, – все из которых позитивны, которые выражают не окончательное равновесие системы, но бесчисленное число метастабильных, стационарных состояний, через которые проходит субъект... нервных состояний, заполняющих в разной степени тела без органов, через

которые проходит субъект-Шребер, становясь женщиной и многим другим в соответствии с кругом вечного возвращения. Грудь на голом торсе президента не бредовы и не галлюцинаторны, они означают прежде всего ленту интенсивности, зону интенсивности на его теле без органов. Тело без органов – это яйцо... Ничто в нем не репрезентативно, но все – жизнь и пережитое: пережитая эмоция груди не напоминает грудь, не представляет их, так же как зона, предназначенная в яйце для того или иного органа, не похожа на орган, который из нее возникнет. Только ленты интенсивности, пороги, потенциалы и перепады. Разрывающий, волнующий опыт, благодаря которому шизофреник ближе всего к матери, к ее интенсивному и живому центру... Как можно было представлять себе шизофреника таким аутическим отребьем, отделенным от реальности и отрезанным от жизни? Хуже того: как психиатра умудрялись на практике превращать его в такое отребье, приводить его в состояние мертвого тела без органов... Как психоанализ превращает – на этот раз невротика – в несчастное создание, потребляющее только папу-маму и ничего больше? Машина безбрачия производит серии состояний начиная с состояния=0, и субъект рождается из каждого состояния серии, постоянно возрождаясь из каждого следующего состояния.

Это отлично показал П.Клоссовски в своем комментарии к Ницше. Не отождествляться с личностями, но идентифицировать исторические имена с зонами интенсивности на теле без органов, так что каждый раз субъект выкрикивает: «Это я, это же я!» Никто не занимался историей и материей, из которой она состоит, так, как шизофреник. Он за один раз потребляет всеобщую историю. Мы начали с определения его как Homo natura и вот он уже Homo historia. Тезис Клерамбо, согласно которому бред вторичен по отношению к явлениям локального автоматизма, верен: бред просто записывает процесс производства машин желаний. Паранойя создает лишь видимость того, что он автохтонен. Все понятия шизофрении сводят проблему к Я через посредство «образа тела». Но шизофреник давно не верит в Я, как он не верит и в папочку-мамочку. Он за пределом, сзади, снизу, в другом месте, но не в этих проблемах... Даже сам Фрейд остается в рамках узкой точки зрения на Я. Препятствием для него была его же тринитарная формула: папа-мама-я. Разве не аналитический империализм комплекса Эдипа заставляет Фрейда поддерживать своим авторитетом пресловутое понятие аутизма применительно к шизофрении... Фрейд не любит шизофреников, не любит их сопротивление эдипизации, он склоняется к тому, что они просто тупы: они принимают слова за вещи, они апатичны, нарциссичны, отрезаны от реальности, не годятся для переноса, они напоминают философов (еще одно «нежелательное сходство»). Великим открытием психоанализа было открытие производства желаний, разных видов производства бессознательного. Но из-за Эдипа это открытие было вскоре затемнено новым идеализмом: место завода бессознательного занял античный театр, место продуктивного бессознательного – бессознательное, которое может лишь выражаться (миф, трагедия, сон). Продукт становится тем более специфическим, несказанно специфическим, чем более его соотносят с идеальными формами причинности, понимания и выражения, но не с реальным процессом производства, от которого он зависит.

Желание может мыслиться как производство и как приобретение. Последнее – идеалистическая, диалектическая, нигилистическая концепция, которая определяет желание в первую очередь через отсутствие, недостаток реального объекта. Реальность объекта как произведенного желанием есть психическая реальность... классическая концепция определяет желание через недостаток. Действительно, если желанию недостает реального объекта, сама реальность желания заключена в «сущности недостачи», которая производит фантазматический объект. Желание, понятое в этом ключе (как производство, но производство фантазмов), было прекрасно подано психоанализом... это означает, что реальный объект, которого недостает желанию, отсылает, со своей стороны, к внешнему природному или социальному производству, тогда как внутреннее желание производит воображаемое, которое дублирует реальность... Даже когда фантазм интерпретируется во всем его объеме, уже не как объект, но как особая машина, которая выводит на сцену желание, это всего лишь театральная машина, которая сохраняет дополненность того, что она отделяет, продуктивность желания выступает исключительно на фоне нужды.

Если желание производит, оно производит реальное. Если желание является производителем, оно может быть таковым лишь в реальности и применительно к реальности. Желание есть совокупность пассивных синтезов, машинным способом

производящих частичные объемы, потоки и тела, работающие как производственные единицы. Из него вытекает реальное, оно является результатом пассивных синтезов желания как самопроизводства бессознательного. Желанию ничего не недостает, в том числе и объекта. Скорее желанию недостает субъекта... постоянный субъект у него проявляется лишь в результате репрессии. Объективным бытием желания является Реальность как таковая. Нет частной формы существования, которую можно было бы назвать психической реальностью. Как говорит Маркс, недостатка вообще нет, не нужда подпирает желание, но, наоборот, желание порождает потребности: это контрпродукты в реальности, производимые желанием... Потребность как практика пустоты не имеет другого смысла кроме как искать, захватывать, паразитировать на пассивных синтезах... бедняки и неимущие знают, что они близки к траве и что желание «нуждается» в немногом, но не в том, что им оставляют, а в тех вещах, которых их непрестанно лишают и которые составляют не недостаток в сердцевине субъекта... но объективное бытие человека, для которого желать – значит производить, производить реально. Реальное не есть невозможное, напротив, в реальном все возможно, все становится возможным; это молярная организация лишает желание его объективного бытия. Революционеры, художники и провидцы удовлетворяются тем, что они объективны и не более того... производство никогда не организовано в функции предшествующего недостатка, сам недостаток поселяется, расползется и распространяется в соответствии с наличной организацией производства.

...В действительности общественное производство есть не более как производство желания в определенных условиях. Мы утверждаем, что социальное поле непосредственно пробегаемо желанием, что оно является его исторически определенным продуктом и что либидо не нуждается ни в каком опосредовании и сублимации, ни в какой психической операции, ни в какой трансформации для того, чтобы инвестировать производительные силы и производственные отношения. Есть только желание и социальность, и ничего другого. Даже самые репрессированные и смертоносные формы социального воспроизводства производятся желанием... Поэтому фундаментальная проблема политической философии – та, которую сумел поставить Спиноза (и которую вновь открыл В.Райх): «Почему люди сражаются за рабство, как если бы речь шла об их спасении?» Райх утверждает: нет, массы не были обмануты, они хотели фашизм в этот момент, в этих обстоятельствах, и именно это (перверсию стадного желания) нужно объяснить. Райх возвращается, правда, к дуализму реального, рационально произведенного объекта и иррационального производства фантазмов. Он отказывается обнаружить общий знаменатель или коэкстенсивность социального поля и желания. Ему не хватало, чтобы основать по-настоящему материалистическую психиатрию, категории производства желания, которой реальность была бы подчинена как в так называемых рациональных, так и в иррациональных формах... желание производит реальность, производство желания есть не что иное, как общественное производство. В отличие от просто машин, машин желания работают только в испорченном виде. Подключение желания к общественному производству в параноидально-критическом методе Дали показывает предпочтительность повреждения перед просто износом.

В отличие от технических машин, машины желания сами непосредственно, без воспроизводства, производят антипроизводство. Поэтому технические машины не относятся к экономике, а отсылают к социусу или социальной машине, которая обеспечивает их воспроизводство. Они – не причины, а признака общей формы общественного производства.

Мы можем сказать, что любое общественное производство вытекает из производства желания в определенных условиях. Во-первых, Номо natura. Но для уточнения мы также должны заметить, что производство желания есть прежде всего социальное производство, и лишь в конечном счете оно проявляет тенденцию к обособлению. Т.е. тело без органов не дано само по себе с самого начала, чтобы быть потом спроецировано на разные виды социуса, как если бы в основе социальной организации был заложен некий великий параноик, вождь первобытной орды. Социальная машина или социус может быть телом Земли, телом Деспота, телом Денег, но она никогда не является проекцией тела без органов. Скорее, тело без органов является конечным остатком детерриториализованного социуса.

Детерриториализуя потоки желания, капитализм приближается к своему пределу, который является собственно шизофреническим пределом. Он изо всех сил стремится к производству шизофреника как субъекта декодированных потоков на теле без органов – более капиталиста, чем сам капиталист, более пролетария, чем пролетарий... шизофреник стоит на пределе капитализма: он представляет собой его развитую тенденцию, прибавочный продукт, пролетария и ангела-истребителя. Он смешивает все коды, будучи носителем декодированных потоков желания... Шизофреник – это производство желания как предел общественного производства.

Машина есть система купюр, разрывов, прерывностей. Код бессознательного в «Семинаре об украденном письме» Лакана заужен; там задействованы негомогенные цепи. Вдруг в цепи, которая смешивает (не сочетая) фонемы, морфемы и пр., возникают усы папаши, поднятая рука маман, лента, девочка, шпик, туфля. Каждая цепь захватывает в плен фрагменты других цепей, из которых она извлекает прибавочную стоимость, как код орхидеи «вытягивает» свою конфигурацию из осы. Таково явление прибавочной стоимости кода... Если письмо существует, это письмо, непосредственно связанное с реальностью, до странности многозначное, но никогда не двуднозначное, линейное, транскурсивное, никогда не дискурсивное письмо: вся область «реальной неорганизованности» пассивных синтезов, в которой тщетно искали нечто могущее быть названным означающим, непрестанно сочетает и разлагает цепи в знаки, не имеющие никакого призвания стать означающими. Производить желание, во всех смыслах, в каких это только делается, – таково единственное призвание знака.

Эти цепи без конца становятся местами отделения во всех направлениях, везде шизопотоки, которым, кроме себя, ничего не надо и которые (прежде всего) не нужно ничем заполнять, Таково второе свойство машины: разрывы-отделения не смешиваются в ней с разрывами-взыманиями.

Третья купюра, разрыв машины желания – это купюра-остаток или осадок, которая производит субъекта рядом с машиной как принадлежащую машине деталь. И если субъект не обладает особой личностной самоидентичностью, если он пробегает тело без органов, не нарушая его невозмутимости, то не только потому, что он является частью наряду с машиной, но частью разделенной... он потребляет состояния, через которые он проходит и из которых он рождается... Это и позволяет Лакану построить скорее машинную, чем этимологическую игру... часть в ее рамках не имеет ничего общего с целым, она разыгрывает свою роль в одиночестве. Здесь от партитуры субъект переходит к порождению... потому-то субъект и может обеспечить себе то, что его интересует, состояние, которое мы называем гражданским. Ничего в жизни не домогаются с большим упорством. Чтобы быть частью, субъект готов пожертвовать большей частью своих интересов.

Машина желания – это не метафора: это то, что отрезает и отрезано в соответствии с тремя модусами. Первый модус отсылает к коннективному синтезу и мобилизует либидо как энергию взымания. Второй отсылает к дизъюнктивному синтезу и мобилизует Нумен как энергию отделения. Третий отсылает к конъюнктивному синтезу и к удовольствию (Волуптас) как остаточной энергии. В этих трех аспектах процесс производства желания является одновременно производством производства, производством записи и производством потребления. Множественность есть свойство производства желания, ибо нет изначальной органической тотальности. Если мы встречаем такую тотальность рядом с частями, это целое этих частей, но оно их не тотализует, это единство всех этих частей, но оно их не объединяет; оно добавляется к ним как новая дополнительная часть... Это шизоидное произведение по существу... в терминологии Мелании Кляйн, депрессивная позиция служит прикрытием для более глубокой шизоидной позиции... закон не объединяет ничто в целое, но измеряет и распределяет разрывы, депрессии, взрывы того, что черпает свою невинность в безумии – поэтому в кажущуюся тему виновности вплетается у Пруста другая тема, ее отрицающая, тема растительной наивности в результате отгороженности полов друг от друга... там царят цветы и открывается невинность безумия, явного безумия Шарлю и предполагаемого безумия Альбертины.

Итак, по утверждению Пруста, целое есть продукт, производимый как часть наряду с другими частями, которые он не объединяет и не тотализует, но применяется к ним, устанавливая типы отклоняющейся коммуникации между несообщающимися сосудами,

поперечное единство элементов, которые остаются полностью различными в своих собственных измерениях... Тело без органов производится так же, как и целое, но в своем месте, в процессе производства, рядом с частями, которые оно не объединяет и не тотализует. Когда оно к ним применяется, на них обрушивается, оно индуцирует поперечные коммуникации на своей собственной поверхности, где функциональные разрывы частичных объектов не перестают перерезаться купюрами цепей означающих и заключенного в них субъекта... Как правило, проблема отношения части/целого так же плохо ставится механицизмом, как и классическим витализмом, которые рассматривают целое либо как производную от частей тотальность, либо как изначальную тотальность... Механицизм, как и витализм, не ухватывает природу машин желания и двойную необходимость введения производства в желание и желания в механику... Великолепное открытие Мелании Кляйн: частичные объекты – это мир взрывов, ротаций, вибраций... Но она не связывает их с подлинным процессом производства, каковым являются машины желания. Во-вторых, она не отказывается от мысли, что частичные шизо-параноидальные объекты ведут к целому... Частичные объекты представляются ей взятыми у целостных личностей... частичные объекты содержат в себе заряд, достаточный для того, чтобы пустить на воздух Эдипов комплекс и отменить его глупую претензию представлять бессознательное. Абсолютно неэдипов характер производства желания очевиден. Но Мелания Кляйн... растворяет Эдипа, миниатюризирует его, умножает и распространяет его на самый ранний возраст... /Наоборот, это Эдип – производный частичный объект. Разрыв Фрейда с Юнгом: нападки последнего на всеобщность Эдипова треугольника/... тот и другой не допускали, что либидо может инвестировать социальное и метафизическое поле без помощи посредников. А это не так. Машинное использование своего тела ребенком в игре (рука-рама, машина – полицейская и пр.). Разве это все – представители родителей? Машины желания нерепрезентативны, они ничего не представляют. Колоссальный внесемейный опыт ускользает от психоанализа. Но по-настоящему вся проблема Эдипа сводится к следующему вопросу: под воздействием каких сил замыкается Эдипов треугольник? При каких условиях он начинает канализовать желание на поверхность, которая сама по себе его не включает? Как он образует тип записи для опыта и машинных объектов, которые со всех сторон выходят за его пределы? В этом и только в этом смысле ребенок приставляет грудь как частичный объект к личности матери... «приделывать» не означает здесь естественный процесс производства, но... запись в записи, в Нумене... Бессознательное – сирота, и само себя производит в тождестве природы и человека. Самопроизводство бессознательного случается как раз в той точке, в которой субъект картезианского *cogito* обнаруживает, что у него нет родителей... там, где цикл обнаруживает свою независимость в отношении неопределенного родительского насилия... У Д.Г.Лоуренса было такое чувство, что «психоанализ замыкает сексуальность в странную коробку с буржуазными виньетками», в род довольно отвратительного искусственного треугольника, душащего любую сексуальность в качестве производства желания... Он завершает то, что начала психиатрия XIX в... тем, что связывает безумие «полувоображаемой, полуреальной диалектикой семьи» (М.Фуко «История безумия»). Психоанализ принимает участие в буржуазном угнетении в самом общем виде, которое состоит в удержания европейцев под игмом папочек-мамочек и в бесконечном воспроизведении этой проблемы.

Глава II. ПСИХОАНАЛИЗ И ФАМИЛИАЛИЗМ: СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Ограниченный Эдип – это папа-мама-я, персонифицированная семейная констелляция. Но психоанализ знает при этом, что есть доэдиповы отношения у ребенка, внеэдиповы – у психотиков и параэдиповы – у других народов. Функция Эдипа как догмы или «нуклеарного комплекса» неотделима от насилия, с помощью которого психоаналитик-теоретик достигает концепции обобщенного Эдипа. Серийный Эдип, позволяющий включать доэдиповы стадии в негативный комплекс. Групповой Эдип: трехпоколенная связь для сопротивляющегося эдипизации шизофреника, роль бабушки-дедушки в психозе, Эдип в квадрате. Экономия желаний в таком случае остается, но она подчиняется Эдипу, как доэдипово, параэдипово, квазиэдипово состояние. Насилие над богатейшим бредом Шребера. Шребер был не только содомизирован при жизни небесными лучами, но эдипизирован после смерти Фрейдом. Анализ 1919 г., где чисто теоретически конструируется модель отца, объявляемая необходимой из методологических соображений. С этим связано эксклюзивное использование дизъюнкции (ты мальчик или девочка) и разное «разрешение» Эдипова комплекса у девочек и мальчиков (желание пениса и боязнь его потерять). Но есть и нечто общее для обоих полов, без чего эксклюзивное использование дизъюнкции не было бы возможно. Это общее – Великий Фаллос, с двумя неналожимыми друг на друга гранями, образование часто мифическое: он похож на Единое негативной теологии, он вводит в желание недостаток...

Лучше подойти к этой проблеме с противоположной стороны: тогда окажется, что между полами одновременно нет нечего общего и что они непрестанно коммуницируют друг с другом в поперечном измерении, где каждый субъект содержит в себе двух, но отделенных перегородками, субъектов и коммуницирует с одним или с другим из них. Таков закон частичных объектов. Нет ни в чем недостатка, ничто не может быть определено как недостаток; дизъюнкции бессознательного никогда не эксклюзивны... У Фрейда было понятие бисексуальности, но он не смог или не захотел им воспользоваться в полном объеме. Разгорелся жаркий спор, когда некоторые психоаналитики, вслед за Меланией Кляйн, попытались определить бессознательные силы женского полового органа с помощью позитивных свойств в функции частичных объектов и потоков: это было легкое отклонение, не устранявшее мифическую кастрацию, но ставившее ее вторичным образом в зависимость от органа – вместо того, чтобы ставить орган в зависимость от нее, – но оно встретило решительное сопротивление со стороны Фрейда. Фрейд утверждал, что с точки зрения бессознательного орган может быть понят лишь исходя из первичного недостатка или лишения, но не наоборот. Кастрация... увенчивает эдипизацию: это операция, с помощью которой психоанализ кастрирует бессознательное... Участницы женского освободительного движения правы, говоря: мы не кастрированы, черт вас подери!

Понятие группового фантазма работает против Эдипова треугольника. Революционный полюс группового фантазма проявляется в способности переживать сами институты как смертные, разрушать или изменять их, следуя артикуляциям желания и социального поля, превращая импульс смерти в подлинную способность институционального творчества... даже в своих перверсиях. Я приспособляется к эксклюзивному использованию дизъюнкций, навязанному законом (например, такова Эдипова гомосексуальность). Но субъектом группового фантазма являются сами импульсы и машины желания, которые они образуют совместно с революционным институтом. Групповой фантазм включает в себя дизъюнкции в том смысле, что каждый, будучи лишен своей личностной идентичности, но не своих сингулярностей, вступает в отношения с другим по правилам коммуникации частичных объектов: каждый переходит в теле другого на тело без органов... В своих последних работах Пьер Клоссовски указывает нам на единственное средство выйти за пределы стерильного параллелизма между Марксом и Фрейдом: это можно сделать, открыв способ, каким общественные отношения являются производством желания и то, каким образом аффекты и импульсы составляют часть инфраструктуры. Ибо они составляют ее часть, наличествуя в ней всевозможными способами, порождая угнетение в его экономических формах, а также средства его преодоления.

Рассмотрение различий между групповым и индивидуальным фантазмом показывает, что нет индивидуального фантазма. Есть, скорее, два вида групп: группы-субъекты и

порабощенные группы, а Эдип и кастрация образуют воображаемую структуру, при которой осуждены жить члены порабощенной группы, индивидуально фантазируя свою принадлежность к группе. Едва ли нужно повторять, что оба вида групп находятся в постоянном движении... Фрейд (должен был) выявить в фантазме скрытый элемент потенциальной революционности группы... но он... проецирует всех агентов общественного производства и антипроизводства на фигуры, задействованные в семейном воспроизводстве... в результате либидо интериоризует Эдипа... появляется кастрирующая дуальность субъекта высказанного и субъекта высказывания. /Истерическое и навязчивое сопротивление лечению Фрейд интерпретирует не как недостаток самой процедуры лечения или как ее же побочный результат/. Ибо кастрация как анализируемое состояние является следствием кастрации как психоаналитического акта. И Эдипова гомосексуальность (качественная способность к конфликту) есть скорее следствие эдипизации... И наоборот, когда потоки либидо оказывают сопротивление практике лечения, это не сопротивление Я, а мощнейший вскрик самого производства желания. Мы уже знаем, что носитель перверсии плохо поддается эдипизации... шизофреник неэдипизируем, потому что он экстерриториален... «сопротивления» истериков и больных навязчивой формой... Эдипов кляп не удерживает эти потоки... Мы все шизы, мы все перверсивны! У всех у нас слишком текучее либидо... Какой сколько-нибудь серьезный невротик не опирался на скалу шизофрении, на эту подвижную... скалу?

/Пруст: молярные и молекулярные ансамбли. Лицо Альбертины перед первым поцелуем. Кастрационная и растительная тема в романе/. Так что на уровне элементарных комбинаций нужно ввести по крайней мере двух мужчин и двух женщин, чтобы составить множественность, в рамках которой устанавливаются связи между частичными объектами и потоками: мужская часть мужчины может коммуницировать с женской частью женщины, но также с мужской частью женщины или с женской частью другого мужчины или с мужской частью другого мужчины и пр. Здесь умирает всякое чувство вины, так как в этих цветах ему не к чему прицепиться. Альтернативе исключений «или... или» противостоит «и... и» комбинаций и пермутаций, где различия сводятся к одному, не переставая быть различиями.

Мы гетеросексуальны статистически или полярно, но мы гомосексуальны персонально, сами того не зная или сознавая, и, наконец, мы транссексуальны молекулярно. Поэтому Пруст... противопоставляет два типа гомосексуальности, точнее, два региона, из которых лишь один – Эдипов, исключаящий и депрессивный, а другой – шизоидный, аэдиповый, включенный и инклюзивный... таковы два типа использования коннективного синтеза: глобальный и специфический, частичный и неспецифический.

Пресловутый латентный перевод, в который якобы вызревает Эдип, Фаллос или Закон как нечто общее, отсутствующее и трансцендентное, Означающее, которое распределяет по цепям аффекты сигнификации и вводит туда /правила/ исключения (откуда интерпретации лаконизма в Эдиповом духе). Фаллос действует как формальная причина триангуляции, т.е. как то, что делает возможной форму треугольника и ее воспроизводство: таким образом, формула Эдипа – 3+1. Единый трансцендентный фаллос, без которого рассмотренные термины не образовали бы треугольник, и есть единица в этом уравнении. Создается впечатление, что цепь так называемых означающих, состоящая из элементов, лишенных значения, многозначных систем письма и отделимых фрагментов, становится объектом особого подхода... со стороны деспотического означающего. Здесь имеет место любопытный паралогизм, основывающийся на трансцендентальном использовании бессознательных синтезов: от частичных разборных объектов переходят к отдаленному полному объекту, из которого путем указания недостатка выводятся глобальные личности. Например, в тринитарной формуле капиталистического кода деньги как отделимая цепь обращаются в капитал как отделенный объект, который существует лишь в виде фетишистского запаса или недостатка (нехватки). То же самое с Эдиповым кодом... Мы не отрицаем, что есть Эдипова сексуальность (гетеросексуальная и гомосексуальная), что есть Эдипова кастрация – полные объекты, глобальные образы и специфические Я. Но мы отрицаем, что они представляют собой бессознательное производство желания... Более того, кастрация и эдипизация порождают фундаментальную иллюзию, которая заставляет нас верить, что реальное производство желания подчинено юрисдикция высших интегрирующих формаций, подчиняющих его трансцендентным законам и ставящих на службу социальному и культурному производству высшего типа... в результате имеет место

конверсия бессознательного... Конфликтность, о которой писал Фрейд, равно как и качественное противопоставление гомосексуальности и гетеросексуальности, фактически вытекает из Эдипова комплекса: это не только не внешние препятствия лечению, но продукт эдипизации, контрэффект лечения, который его усиливает... не доэдиповы стадии... а аэдипова сексуальность... Купюры-потоки производства желания не дают спроецировать себя на мифическое место, знаки желания не допускают экстраполяции в означающее, транссексуальность не дает родиться качественному противопоставлению локальных и неспецифических гомосексуальности и гетеросексуальности... Во имя трансцендентальной философии (и имманентности критериев) Кант выступал против трансцендентного использования синтезов, как оно имеет место в метафизике. Мы также отмечаем, что у психоанализа есть своя метафизика, т.е. Эдип. И что материалистическая революция проходит через критику Эдипа, выступая против незаконного использования синтезов бессознательного, какое имеет место в Эдиповом психоанализе, чтобы обнаружить трансцендентальное бессознательное, определяемое имманентностью критериев и соответствующей практикой шизоанализа.

/Три великих семейных невроза – там, где не срабатывает Эдипов комплекс в своей дифференцирующей функции или дизъюнктивном синтезе: страдающий фобией не знает, родитель он или ребенок; страдающий манией одержимости не знает, живой он или мертвый, а истерик не знает, мужчина он или женщина/. Семейный треугольник представляет собой минимальное условие, при котором Я приобретает координаты, дифференцирующие его в отношении поколения, пола и состояния. А религиозный треугольник подтверждает этот результат в другом регистре: так, устранение женского образа в пользу фаллического символа в троице показывает то, как треугольник смещается к своей собственной причине и стремится ее интегрировать. На этот раз речь идет о максимуме условий, при которых дифференцируются личности. Отсюда значение для нас кантовского определения, постулирующего Бога как априорный принцип дизъюнктивного силлогизма, так что все возникает из него путем ограничения большей реальности (*Omnitudo realitatis*); с этим связан юмор Канта, превращающего Бога в хозяина одного силлогизма.

Специфика Эдиповой записи – во введении исключительного, негативного и ограниченного использования дизъюнктивного синтеза. Мы настолько сформированы Эдипом, что с трудом можем себе представить другое использование этого синтеза. Даже три семейных невроза не выходят за его пределы, хотя их носители страдают от невозможности его применения... экста-Эдипов урок шизофрении... открытие неизвестной силы дизъюнктивного синтеза, имманентного использования, которое не является более исключительным и лимитативным, но полностью утверждающим, неограничивающим, инклюзивным... это, возможно, высший парадокс... Шизофреник не мужчина и не женщина. Он мужчина или женщина, но таков он именно с двух сторон, он мужчина со стороны мужчин, он женщина со стороны женщин... Шизофреник мертв или жив, но он никогда не мертв и жив одновременно... Он ребенок или родитель, но не один и другой, вместе он один по истечению другого, как два конца палки в неразложимом пространстве. Таков смысл дизъюнкций, в которые Бекетт вписывает своих персонажей и события, которые с ними происходят: все разделяется, но в себе. Даже расстояния позитивны... Он (шизофреник) не заменяет дизъюнктивные синтезы синтезом противоположностей; он заменяет исключительное и ограничительное использование дизъюнктивного синтеза его утверждающим использованием... Он не просто бисексуален, он не между двумя полами, он не интерсексуален, он – транссексуален. Он транживомертый, он трансродитель-ребенок. Он не отождествляет две противоположности с одним и тем же, но утверждает их дистанцию как то, что соотносит их друг с другом в качестве различных. Он не замыкается на противоречия... Шребер мужчина и женщина, родитель и ребенок, он жив и мертв, т.е. он везде, где имеется сингулярность, во всех сериях... потому что он сам является тем расстоянием, которое превращает его в женщину, в конца которого он уже является матерью нового человечества и может, наконец, умереть. Поэтому Бог шизофреника не имеет ничего общего с религиозным Богом, хотя оба они занимаются одним силлогизмом. /Антихрист как князь изменения, по Клоссовски, обеспечивает субъекту пробегание всех возможных предикатов: я-бог, я-не Бог, я-Бог, я-человек и пр. Нижинский: я-бог, я-не бог, я-Бог, я-клоун бога, я-жена и муж, я люблю свою жену, я люблю своего мужа и пр. Здесь проблема не смысла, а использования/. Нет изначального и произвольного, но есть общий дрейф,

абсолютное пробегание неделимых дистанций. Нет высшего существ, все записано исключительно на теле без органов. Эдип угрожает, что если мы на примем исключющую манеру разделять, то мы впадем в недифференцированный хаос; он грозит хаосом. Но там нет хаоса, так как он самим же Эдипом и порождает в процессе ограничивающего использования дизъюнктивного силлогизма (бинарная машина). Он сам производит то, чем угрожает как Иным, это – не Иное, а свое другое. Сам же он создает это недифференцированное как изнанку создаваемых им различий. /Или «разрешенный» Эдип или ночь воображаемых невротических отождествлений. Эдип и полиция, репрессия. Дезэдипизация бессознательного в шизоанализе. Нужно превратить психоанализ в «необходимую деталь революционного аппарата». Структурный Эдип – продолжение треугольника другими средствами: его максимальный и минимальный вариант/. Подлинное различие имеет место не между символическим и воображаемым, но между реальным элементом машинности, составляющим производство желаний, и структурной совокупностью воображаемого и символического, формирующих всего лишь миф и его варианты... Отсюда роль имен, свойственная им магия: нет Я, которое отождествляется с расами, народами, личностями на сцене представления, но есть имена собственные, которые идентифицируют расы, народы и личностей с регионами, порогами и эффектами в производстве интенсивных количеств. Теорию имен собственных не нужно мыслить себе в терминах представления; она отсылает к классу «эффектов»: последние не зависят просто от причин, но заполняют собой область, осуществляют систему знаков. Это хорошо видно в физике, где именами собственными называют эффекты... эффект Джоуля, эффект Зибекка, эффект Кальвина. Также обстоят дела в истории: эффект Жанны д'Арк, эффект Гелиобагала – все исторические имена, но не имя отца... Шизофреник не имеет принципов: он является чем-то, только будучи другой вещью. Он Махуд лишь потому, что он Уорм, и Уорм лишь потому, что Тартемпсион [Имена из романов С.Беккета. – Прим. перев.]. Он девушка лишь в силу того, что он старик, который имитирует и разыгрывает девушку.

Бред имеет отношение к истории, политике, расе, но сам он бессемеен. Эдипова треугольника не существует: Эдип всегда открыт социальному полю. Эдип открыт всем ветрам, всем четырем сторонам социального поля (даже не 3+1, а 4+1). Для поставки эдипизованных субъектов нужен комфорт буржуазной семьи... нужно знать что реально инвестировано в комфортабельных условиях вызревания Эдипа, считающегося нормальным или нормативным.

Революционер первый может по праву сказать: я понятия не имею об Эдипе... Семья по природе своей эксцентрична, децентрирована... Семья не порождает купюр, но семьи пересекают купюры несемейного типа: Коммуна, дело Дрейфуса, религия и атеизм, война в Испании, приход к власти фашистов, сталинизм, война во Вьетнаме, май 68... все это образует комплексы бессознательного... Мы видели, что производство желаний представляет собой предел общественного производства, постоянно отвергаемый при капитализме: тело без органов лежит на пределе детерриториализованного социуса, как пустыня у ворот города... но нужно, крайне необходимо, чтобы предел сдвинулся, чтобы он стал безобиден, стал (или создал видимость, что стал) внутренней принадлежностью самой социальной формации. Шизофрения или производство желаний есть граница между молярной организацией и молекулярной множественностью желаний.

Нужно, чтобы теперь этот предел детерриториализации проходил внутри молярной организации, чтобы он прилагался к искусственной и подчиненной территориальности. Уже вырисовывается, что такое Эдип: он сдвигает предел, он его интериоризует. Лучше целый народ невротиков, чем один состоявшийся, не аутизированный шизофреник. Несравненный инструмент стадности, Эдип является последней покорной и частной территорией европейского человека. Имеет место сегрегативное использование конъюнктивных синтезов в бессознательном, которое не совпадает с разделением на классы, хотя и является непревзойденным орудием в руках господствующего класса: это от него исходит чувство «пребывания среди своих», принадлежности к высшей расе, которой угрожают внешние враги... Эдип является производным от подобного националистического, религиозного, расистского чувства, а не наоборот: не отец проецируется на вождя, но сам он является следствием из него... Лакан проникательно указал на связь Эдипа с сегрегацией... сегрегация – условие Эдипа. Желание может определенно желать репрессии против себя самого в субъекте желаний (отсюда роль инстинкта смерти в разветвлении желаний и

социальности). Все это происходит не в идеологии, но куда ниже. Бессознательные инвестиции фашистского или реакционного типа могут сосуществовать с сознательными революционными инвестициями. Напротив того, может (хотя редко) случиться, что революционная инвестиция на уровне желания сосуществует с реакционными инвестициями, совпадающими с сознательным интересом. Во всяком случае сознательные и бессознательные инвестиции принадлежат к разным типам, даже когда они совпадают и налагаются друг на друга. Мы определяем бессознательные реакционные инвестиции как соответствующие интересам господствующего класса, но на уровне желания... прибегающие к сегрегативному использованию конъюнктивных синтезов, из которых вытекает Эдип (я принадлежу к высшей расе). Революционная бессознательная инвестиция... разрывает все сегрегации: «я изначально принадлежу к низшей расе,.. я дурак, я негр»... с этим связано номадическое и многозначное использование конъюнктивных синтезов.

/Комизация события «смерти Бога» у Ницше выражается в том, что он дает десять-пятнадцать равно вероятных версий этого события/. Он хочет тем самым сказать, что то, что занимает так много времени, чтобы дойти до сознания, это – та новость, что смерть Бога не имеет никакого значения для бессознательного. Плодами этой новости являются не последствия смерти Бога, а другая новость: смерть Бога не имеет никаких последствий. Другими словами, Бог и отец никогда не существовали... Провозглашение отца мертвым составляет последнее верование, веру в добродетельность неверия...

Происходит материалистическая редукция Эдипа как идеологической формы. Речь не идет об утверждении того, что Эдип – это ложное верование, но дело в том, что вера по необходимости есть нечто ложное, то, что отвращает и душит настоящее производство. Не сексуальность является средством на пути продолжения рода, но порождение тел является средством на службе сексуальности как самопроизводства бессознательного. Сексуальность не представляет собой вознаграждение для Эго в обмен на его подчинение процессу порождения (продолжения рода), напротив того, само порождение является утешением Эго, его продлением, переходом от одного тела к другому, посредством которого бессознательное воспроизводит себя в себе самом... бессознательно изначально сирота, т.е. нечто порождающее самого себя в тождестве природы и человека, мира и человека... Бессознательное связано не с проблемой смысла, а с проблемой устройства, не с тем, что это значит, а с тем, как это работает, как устроены машины желания. Трансцендентальный анализ и есть определение критериев имманентных полю бессознательного, поскольку эти последние противостоят трансцендентным упражнениям типа «что это значит?» Шизоанализ является трансцендентальным и материалистическим анализом одновременно... Он предлагает исследовать трансцендентальное бессознательное вместо метафизического, материальное – вместо идеологического, шизофреническое – вместо Эдипова, нефигуративное – вместо воображаемого, реальное – вместо символического, машинное – вместо структурного, молекулярное, микropsихическое, микрологическое – вместе молярного и стадного, и продуктивное – вместо экспрессивного.

У бессознательного есть свои ужасные стороны, но они не антропоморфны. Не сон разума порождает чудовищ, но его неусыпная длительная рациональность. Будучи человеком-природой, бессознательное носит руссоистский характер. Трансгрессия, чувство вины, кастрация,.. что это, определения бессознательного или тот способ, каким видит эти вещи священник?.. Психоанализ изобретает последнего священника. Эдипов анализ навязывает всем синтезам бессознательного трансцендентное использование, которое обеспечивает их конверсию /обращение/. Практическая проблема шизоанализа в том, чтобы вернуть синтезам бессознательного их имманентное использование, дезидипизировать его... Эдиповы желания не есть вытесненное, они связаны с вытеснением по-другому: Эдип – это искаженный образ, с помощью которого вытеснение затягивает желание в свои сети. Если желание вытеснено, то не потому, что это желание обладать матерью и убить отца; напротив, оно становится таковым потому, что оно вытеснено, оно надевает маску лишь под воздействием вытеснения... нет такой машины желания, которая может быть смонтирована без того, чтобы пустить на воздух целые сегменты общественной жизни. Чтобы об этом не думали отдельные революционеры, желание по своей сущности революционно, желание – это праздник – и ни одно общество не может вынести направленности настоящего желания без того, чтобы не были подорваны присущие ему структуры эксплуатации, порабощения и иерархии. Если общество по сути своей структурно-

милая гипотеза – тогда да, желание угрожает его сущности. Тогда для обществ жизненно важно репрессировать желание, делать так, чтобы желали репрессии, эксплуатации, порабощения... Желание угрожает обществу не потому, что это желание вступить в связь с матерью, но в силу своей революционности... Желание не «желает» революцию, оно революционно само по себе и даже произвольно, желая того, чего оно желает. С самого начала этого исследования мы придерживаемся мнения, что общественное производство и производство желания едины, но отличаются режимом работы, так что форма общественного производства оказывает подавляющее действие на производство желания, равно как производство желания обладает ресурсами для того, чтобы взорвать социальную форму. Но что такое есть «подлинное» желание, ведь и подавление тоже желаемо? Как их различать? Это противоположные использования одних и тех же синтезов. Эдип нужен психоанализу как культурное оправдание вытеснения, которое выдвигает его на первый план и рассматривает проблему подавления как вторичную с точки зрения бессознательного. /Реакционность позиции Фрейда возрастает, когда вытеснению начинает отводиться роль автономной основы культуры, орудия против инцестуозных импульсов. Отказ от сексуальности вызывает к жизни понятие первичного греха как якобы эндогенной основы вытеснения/. Все это есть в Фрейде, этом фантастическом Христофоре Колумбе, гениальном буржуазном читателе Гете, Шекспира и Софокла, в этом замаскированном Аль Капоне.

Сила Вильгельма Райха – в показе зависимости вытеснения от репрессии... репрессия нуждается в вытеснении, чтобы формировать покорных субъектов и обеспечивать воспроизводство общественной формации, в том числе в ее репрессивных структурах. Но не социальную репрессию следует понимать исходя из семейного вытеснения коэкстенсивного цивилизации, а само вытеснение нужно понимать в зависимости от присущей данной общественной форме производства репрессивности. Репрессия распространяется на желание посредством сексуального вытеснения... Эдип есть стазис либидозной энергии. Райх первый поставил проблему отношения желания с социальным полем, он пошел в этом дальше Маркузе... Райх – подлинный основатель материалистической психиатрии. Массы, утверждает Райх, не были обмануты, они желали фашизм. Вытеснение устроено так, что репрессия становится желаемой, перестает быть сознательной... превращается в средство на службе репрессии. То, на что она направлена (производство желания) также становится объектом репрессии... Подставной агент вытеснения – это семья; искаженный образ вытесненного – кровосмесительные импульсы. Следовательно, Эдипов комплекс, эдипизация, является продуктом двойной операций. Одним и тем же движением репрессивное общественное производство замещается вытесняющей семьей, а эта последняя дает смещенный образ производства желания, который представляет вытесненное в качестве семейных кровосмесительных импульсов. Отношение двух видов производства уступает место отношению семья/импульсы... Протягивая желанию кривое зеркало инцеста – «ну что, ты этого хотело?» – стремятся его пристыдить, поставить в безвыходную ситуацию, убедить легко отказаться от «самого себя» во имя высших интересов цивилизации («а что если бы всякий так поступал? Если бы всякий женился на своей матери, оставлял за собой свою сестру? Тогда не было бы дифференциации, не был бы возможен обмен»).

Семья является записью общественного производства как система воспроизводства производителей. Не вызывает сомнения, что на другом полюсе запись производства на теле без органов совершается с помощью генеалогической сети несемейного типа: родители участвуют в нем как частичные объекты – потоки, знаки и агенты процесса, который со всех сторон их превосходит... само тело без органов, как мы видели, осуществляет изначальное вытеснение производства желания. Семье остается этим воспользоваться и наложить на него вторичное в собственном смысле слова вытеснение... Поэтому психоанализ «изобрел» Эдипа, а пациенты Фрейда были «эдипизированы» по независимым от психоанализа причинам, которые Фрейд всего лишь заменил квазипричинами. Психоанализ изобрел вторичное: перенос, Эдипов перенос. На самом деле Эдип делается в семье, а не в кабинете психоаналитика.

В 1924 г. Фрейд так проводил демаркационную линию между неврозом и психозом: в неврозе Я подчиняется требованиям принципа реальности ценой вытеснения импульсов Оно; в случае психоза Я попадает под воздействие Оно, платя за это разрывом с принципом

реальности. Эта идея была тут же воспринята во Франции. В неврозе объектная функция реальности сохраняется, при условии вытеснения комплекса причин; при психозе этот комплекс обволакивает сознание, становясь его объектом на фоне вытеснения самого принципа реальности... Любимая идея традиционной психиатрии такова: безумие в основе своей связано с утратой чувства реальности. Конвергенция с психиатрическими понятиями диссоциации, аутизма в случае психоанализа очевидна. Вероятно, по этой причине доклад Фрейда был так быстро воспринят. Почему Эдип был обнаружен именно в неврозах, где он присутствует в скрытом состоянии, а не в психозах, где он обнажен? Не потому ли, что в психозах семейный комплекс не играет решающей роли? Нужно измерять психоз ложной меркой, чтобы он свелся к Эдипову комплексу и тем самым был достигнут эффект утраты реальности. Это не абстрактная операция: психотику навязывают «Эдипову организацию», пусть для того, чтобы отметить ее отсутствие у него. Эта операция проводится на самом что ни на есть теле, на самой душе. Психотик реагирует аутизмом и утратой чувства реальности. Не может ли оказаться так, что утрата чувства реальности является не следствием шизофренического процесса, а последствием насильственной эдипизации, т.е. его прерывания?.. Шизофреник болен эдипизацией, которой его подвергают и которую он не в состоянии вынести. Он страдает не от расщепленного Я, не от распавшегося Эдипова комплекса, но, напротив, от приведения ко всему этому, в частности, к Эдипову комплексу. Падение интенсивности до тела без органов=0, до аутизма /является результатом эдипизации/... По словам Лейнга, их путешествие прерывают. Психотики утратили чувство реальности. Но когда они его утратили? В процессе самого путешествия или в результате его прерывания? /Есть психотики и невротики, не выносящие эдипизации, и есть такие, которые ее выносят, те, к кому Эдип не «пристает», и те, к кому он «пристает»/.

Неверно сохранять Эдипову интерпретацию для неврозов, подвергая психозы внеэдипову толкованию. Нет этих двух групп, нет качественной разницы между неврозами и психозами. Ибо в любом случае причиной является производство желания, оно является окончательной причиной психотической субверсии, разбивающей Эдипов комплекс... и невротических резонансов, которые его образуют. /«Актуальные факторы» и инфантильный генезис неврозов по Фрейду. Якобы производный характер первых по отношению ко вторым, их «привативность». Архетипы Юнга как попытка прорвать круг семейных ассоциаций, отказаться от инфантильного генезиса. Но ничего из этого не вышло. Общее между Фрейдом и Юнгом в том, что бессознательное все так же измеряется мифами... Но какое, в конечном счете, имеет значение, находят ли мораль и религия аналитический и репрессивный смысл в Эдипе или Эдип находит в морали и религии анагогический и проспективный смысл?.. Актуальный фактор – это производство желания... Этот фактор не привативный и не производный. Это Эдип от него зависит, а не наоборот: то ли он зависит от него как важный стимул, простой индуктор, через который с детства осуществляется неэдипова организация производства желания, то ли как эффект вытеснения-репрессии, который социальное воспроизводство навязывает производству желания через семью. Эдип – это не более как реактивное образование, которое нельзя понять из него самого, независимо от «актуального фактора», реакцией на который он является. Но именно этим грешит психоанализ. Производство желания имеет лишь актуальное существование... Гизела Панков и Бруно Бетельгейм ставят под сомнение понятие регрессии... Это признание желания, эта позиция желания, этот Знак отсылают к порядку реального и актуального производства, которое не смешивается с косвенным и символическим удовлетворением и которое – как в своих остановках, так и в своей работе – отлично как от регрессии к доэдипову состоянию, так и от постоянной реставрации Эдипа. Природа невроза и психоза одна, оба они не поддаются объяснению в терминах Эдипова комплекса. Наоборот, невроз объясняет Эдипа. Что такое есть психоз, процесс или прерванный процесс? Шизофрения как процесс является производством желания... Это болезнь нас, современных людей. Это то же самое, что конец истории, движение социального производства, идущего до пределов детерриториализации и движение метафизического производства, которое воспроизводит желание на этой новой Земле... Шизофреник уносит декодированные потоки, заставляет их пересечь пустыню тела без органов, где он устанавливает машины желания... Он перешел предел, удерживавший производство желания на периферии общественного производства... он свободный, безответственный, одинокий и веселый Заратустра... Он просто перестал бояться сойти с ума... По словам Лейнга: «Настоящее душевное здоровье в той или иной форме включает в

себя растворение нормального Эго...» /Апофеоз англо-американской литературы шизофренического потока: Лоуренса, Миллера, Джинзберга, Керуака, Лоури, Гарди/. Ибо литература ничем не отличается от шизофрении: это процесс, а не цель, производство, а не выражение.

И здесь, в литературе, эдипизация является одним из самых важных факторов редукции литературы к объекту потребления... Именно Эдиповой форме стремятся подчинить само произведение, чтобы превратить его во второстепенную экспрессивную деятельность, которая выделяет идеологию в соответствии с господствующими социальными кодами. /Товарная Эдипова и психотическая литература, которой противостоял Антонен Арто/. Одни говорят о его творчестве: это не литература, потому что он шизофреник; другие возражают им: это литература, потому что он не шизофреник. В обоих случаях имеет место инфантильное и реакционное представление о шизофрении и невротически-товарное представление о литературе... Но что есть этот огромный текстуальный архаизм, это означаемое, которое подчиняет литературу отметине кастрации и освящает две стороны Эдиповой формы?.. Арто представляет собой истребление психиатрии именно потому, что он шизофреник, а не потому, что он таковым не является. Арто является завершением литературы именно потому, что он шизофреник, а не потому что он таковым не является. Он, Арто-шиз, давным-давно пробил стену означаемого... /Произошло слияние аналитической, артистической и революционной машин в подлинном психотическом искусстве/.

Глава III. ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ, ВАРВАРЫ, ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ

У нас нет никакого основания принимать скрытый постулат обменных концепций общества: общество не является прежде всего средой обмена, где самое главное – это циркулировать и заставлять циркулировать; скорее, оно представляет собой записывающее устройство, для которого основное – метить и быть помеченным. Обмен имеет место лишь тогда, когда того требует или допускает запись. В этом отношении процедура примитивной территориальной машины сводится к коллективной инвестиции органов... Напротив того, наши современные общества пошли по пути обширной приватизации органов, соответствующей декодированию ставших абстрактными потоков. Первый приватизированный, помещенный вне социального поля орган, – это анус... Затем следует замена кодированных потоков абстрактными количествами, образование частных лиц как индивидуальных центров органов и функций, производных от абстрактного количества... Не анальное подвергается при этом сублимации, а сама сублимация от начала до конца анальна... Весь Эдип анален и подразумевает индивидуальную сверхинвестицию органа, чтобы компенсировать его социальную дезинвестицию... поэтому в первобытных обществах нет механизмов, осуществляющих Эдипа в нашем обществе... Там нет ни сверх-Я, ни чувства вины, ни отождествления специфического Я с глобальными личностями, но налицо всегда частичные и групповые идентификации... Никакой анальности, хотя – и именно потому что – имеется коллективно инвестированный анус... Если называть «письмом» эту запись на самом теле, то действительно нужно сказать, что речь предполагает существование письма, и что эта жестокая система записанных знаков делает человека способным к языку и дает ему возможность запоминать слова.

Единство земли заменяется единством государства – завершается первый этап детерриториализации. Полное тело является уже не телом земли, но тело Деспота, Непорожденного, который теперь отвечает за плодородие почвы...

Марксисты справедливо напоминают о том, что если в первобытном обществе доминирующим фактором и является родство, оно определяется в качестве такового, т.е. родства, экономическими и политическими факторами. И если кровное родство выражает доминанту в качестве детерминированной, система брака выражает то, что является определяющим, точнее, возвращение этого определяющего в лоно определенной системы господства. Поэтому важно рассмотреть то, как брачная система сочетается с кровным родством на данной территориальной поверхности... Система родства – это не структура, а практика, процедура, даже стратегия... Система родства представляется закрытой лишь в той мере, в какой ее отрезают от экономики и политики, поддерживающих ее открытость, и делают брак чем-то иным, нежели сочетание брачных классов и родственных групп. /Прибавочная стоимость кода является изначальной формой прибавочной стоимости, как она отражена в знаменитой формуле Марселя Мосса: дух данной вещи или сила вещей, которая заставляет дары возвращаться, делая их территориальными знаками желания и власти, принципами изобилия и оплодотворения благ. Это неравновесие не только не является патологическим последствием, оно функционально и принципиально. Не будучи расширением первоначально замкнутой системы, открытость первична, основана на гетерогенности составляющих поставки элементов... Короче, следуя отношениям брачности, участники значащей цепи порождают прибавочную стоимость кода на уровне потоков, из которых вытекают различия в статусе брачных классов (например, высший или низший ранг дающих и берущих женщин)...

Чтобы работать, социальная машина должна недостаточно хорошо работать, ибо неравновесие изначальное. Этнологи постоянно утверждают, что правила родства не применяются и в принципе не применимы к реальным бракам: это происходит не потому, что это реальные правила, а, напротив, потому что они определяют критические точки, в которых механизм вновь начинает работать при условии блокировки и тем самым необходимо ставится в негативное отношение к группе. Здесь возникает идентичность социальной машины и машины желания... последняя функционирует лишь скрипя, лишь разлаживаясь, лишь содрогаясь от мелких взрывов; дисфункции составляет часть самого ее функционирования, и это немаловажная сторона системы жестокости. Несоответствие и дисфункция никогда не были предвестниками гибели социальной машины, которая,

напротив, приучена питаться вызываемыми ею противоречиями и кризисами, порождаемыми ею самой видами тревожности... Никто никогда не умер от противоречий. И чем это все более разлаживается, чем более шизофренизируется, тем лучше работает, совсем в американском духе...

Территориальная сегментарная машина предотвращает слияние посредством раскола и препятствует концентрации власти, делая органы института вождей бессильными в отношении группы: как если бы сами дикари заранее предчувствовали приход к власти имперского Варвара, который, тем не менее, придет и перекодирует все коды. Но самой большой опасностью является дисперсия, такой раскол, при котором исчерпаются все возможности кода: декодированные потоки, изливающиеся на слепого, немого, детерриториализованного социуса – вот кошмар, который изо всех сил, всеми своими сегментарными артикуляциями закликает примитивная машина. Она знает обмен, торговлю, промышленность, но она их заключает, локализует... удерживая купца и кузнеца в подчиненном положении, чтобы поток обмена и производства не разрушил коды в пользу их абстрактных и фиктивных количеств. А что это все такое – Эдип, страх перед инцестом – как не та же боязнь декодированного потока? Если капитализм обладает всеобщей истинностью, то лишь в том смысле, что он является негативом всех общественных формаций: он есть вещь, неназываемое, обобщенное декодирование потоков... не первобытные общества находятся вне истории, а капитализм находится в конце, является результатом длинной истории случайностей... Но ранг так же неотделим от первобытного территориального кодирования, как касты неотделимы от имперского государственного перекодирования, а классы – от процесса промышленного производства и товарного декодирования в условиях капитализма. Так что прочесть всю историю с точки зрения классов можно, но соблюдая при этом введенные Марксом правила, и лишь в той мере, в какой классы являются «негативом» каст и рангов.

Полное тело земли содержит в себе различия. Полное тело является непорожденным, родство же является первыми буквами, которые на нем записаны. А мы знаем, что такое это интенсивное родство, эта инклюзивная дизъюнкция, где все разделяется, но в себе самом, и где одно и то же существо пребывает везде, со всех сторон, на всех уровнях, за вычетом разницы в интенсивностях. Очарованная поверхность записи, полное тело есть также фантастический закон или объективное движение видимости; но оно же есть магический агент или фетиш и квазипричина. Ему недостаточно записать все вещи, оно должно вести себя так, как если бы оно их произнесло... Таков брак как второе свойство записи: брак не только навязывает продуктивным связям экстенсивную форму сопряжения личностей, совместимую с дизъюнкциями записи, но и реагирует на запись, определяя исключительное и ограничительное использование тех же дизъюнкций. Поэтому неизбежно, что брак представляется в мифах как возникающий в родственных кланах в определенный момент (хотя в другом смысле он изначален)... в качестве интенсивного родства... /добрачные отношения/, напротив, составляют объект частичной, ночной, биокосмической памяти, которая должна подвергнуться вытеснению, чтобы возникла новая расширенная память.

Мы сможем лучше понять, почему проблема вовсе не заключается в том, чтобы перейти от родства к системе брачных союзов и вывести вторые из первого. Проблема состоит в переходе от интенсивного энергетического порядка к экстенсивной системе, которая включает в себя одновременно и брачные союзы и расширенное родство. То, что первичная энергия интенсивного порядка – Нумен – является также энергией родства, ничего в деле не меняет, потому что это интенсивное родство еще не является расширенным, еще не включает в себя различие личностей и даже полов, но представляет собой доличностные вариации интенсивности... Знаки этого порядка, следовательно, принципиально нейтральны и двусмысленны... Речь идет о знании того, как, исходя из этой первичной интенсивности, можно перейти к экстенсивной системе, в которой 1) родство представлено расширенными группами родственников в форме родов; 2) браки одновременно являются качественными отношениями; 3) короче, интенсивные двусмысленные знаки прекращают быть таковыми и становятся позитивными или негативными /таков перекрестно-кузенный брак, по Леви-Стросу/. Экстенсивная система браков описана Клодом Леви-Стросом в «Элементарных структурах родства». Здесь необходимо прибегнуть к мифу... который определяет интенсивные условия системы. /Миф не экспрессивен, он задает условия культуры. Упрек Лысенко вейсманистам: для них родители не являются генетическими родителями своих

детей, дети и родители являются братьями и сестрами, сын – генетический брат матери и пр./ Но сын автоматически не является братом и близнецом своей матери. Поэтому он не может на ней жениться... инцест с сестрой является не заменой инцеста с матерью, но интенсивной моделью инцеста. Основа соматической экстенсивной системы – расширенное родство. Нет никакого вытеснения отца, никакой утраты имени отца. Соответствующее положение матери или отца как кровного родственника или родственника по браку, патрилинейное или матрилинейное родство, патрилинейный или матрилинейный брак являются активными элементами вытеснения. Великая ночная память зародышевого интенсивного родства вытесняется в пользу соматической экстенсивной памяти, заключающей в себе ставшее расширенным родство (патрилинейное или матрилинейное) и связанную с ним систему браков. /Миф догонов является патрилинейной версией двух генеалогий, интенсивной и экстенсивной/.

Экстенсивная система рождается из интенсивных условий, делающих ее возможной, но она реагирует на них, аннулирует их, вытесняет их и оставляет им только мифическое выражение... В результате знаки перестают быть двусмысленными, дизъюнкции становятся исключительными, ограничительными... имена, названия обозначают уже не интенсивные состояния, а определенных лиц. Различимость опускается на сестру, на мать как на запрещенных супругов. Личности не предшествуют запретам, так как в результате запрета они возникают как таковые. Мать и сестра не существует до их запрещения в качестве супругов... инцест в строгом смысле не существует, не может существовать. Всегда находятся по ту сторону инцеста, в серии интенсивностей, игнорирующих личностную определенность, или же по эту сторону, в протяженности, которая их /интенсивности/ признает, которая их составляет, но составляет, делая невозможным их сексуальное партнерство. Инцест можно совершить лишь в результате серии замещений, которая нас постоянно от него отдаляет, т.е. с лицом, которое приравнивается к матери или сестре лишь потому, что ими не является: с той, которая выделима как возможная супруга. Таков смысл предпочтительного брака: это первый разрешенный инцест. Но не случайно, что он редко имеет место, как если бы он был слишком близок к несуществующему невозможному (таков предпочтительный догонский брак с дочерью дяди, которая приравнивается к тете, которая, в свою очередь, приравнивается к матери)...

Миф не есть греза о невозможном или инверсия всегда уже наличной социальности. Он до всего этого, он там, где этого еще нет. Нужно избежать двух ложных воззрений на границу или предел: одно превращает предел в матрицу или в происхождение, как если бы запрет доказывал, что «сначала» запрещенную вещь желали как таковую; другое приписывает пределу структурную функцию, как если бы «фундаментальное» отношение между желанием и законом осуществлялось в акте трансгрессии. Нужно еще раз напомнить, что закон ничего не доказывает в том, что касается изначальной реальности желания, потому что он существенно искажает желаемое, и что трансгрессия ничего не доказывает относительно функциональной реальности закона, потому что она сама смехотворно мала по сравнению с тем, что закон действительно запрещает (поэтому революции ничего общего не имеют с трансгрессией). Короче, предел не по ту и не по эту сторону: он на пределе между тем и другим, он всегда уже перейден или всегда еще не перейден. Ведь инцест, как и движение, невозможен.

Что значит, что инцест невозможен? Возможность инцеста нуждается в лицах и именах (сын, сестра, мать, брат, отец). Но в самом акте инцеста мы хотя и имеем лиц, они теряют свое имя постольку, поскольку эти имена неотделимы от запрещения их как партнеров: или имена сохраняются, но обозначают уже доличностные состояния интенсивности... В этом смысле мы говорим: всегда находятся или по ту или по эту сторону. Наши матери, наши сестры тают в наших объятиях, их имя скользит по ним как слишком сильно намоченная марка. Т.е. нельзя наслаждаться лицом и именем одновременно – что, однако, является условием инцеста. Пусть инцест невозможен. Но это лишь отодвигает вопрос. В чем специфика желания, которое желает невозможного?.. Вспомним, насколько незаконно заключать от запрета к природе того, что запрещено: ведь запрещение осуществляется путем обесчещивания виновного, т.е. индукции искаженного и смешанного образа того, что действительно запрещено и желаемо... репрессия продолжается вытеснением... Желаем, собственно, зародышевый поток, в котором тщетно искать лиц и различимых функций... потому что имена означают в нем лишь вариации интенсивности на полном теле земли...

это можно называть как инцестом, так и безразличием к инцесту... но нельзя путать этот инцест с инцестом в том виде, в каком он представлен экстенсивно в состоянии, которое его запрещает и которое определяет его как трансгрессию... Соматический комплекс отсылает к зародышевому комплексу... Инцест в том виде, в каком он запрещен (в форме конкретизированных личностей), служит вытеснению инцеста в том виде, в каком он желаем. Не имеет значения, что этот образ «невозможен»: он выполняет свою роль, как только желание попадает в его ловушку как в само невозможное. «Видишь, вот ты чего хотел!»... От вытеснения к вытесненному – так устроен паралогизм репрессии.

Мужская гомосексуальность является преставлением брачных союзов, вытесняющим знаки интенсивного, двуполого родства. Эта групповая гомосексуальность первична по отношению к Эдиповой, а не является продуктом ее вытеснения. Что до Эдипа вообще, то это не вытесненное, это – представитель желания, игнорирующего папашу-мамашу... Эдип – это предел, но это смещенный предел... Здесь начинается длинная история эдипизации. Но все начинается именно в голове Лайя (отца Эдипа), старого группового гомосексуалиста, расставившего ловушку желанию. /Бессмысленность фрейдовского фамилиализма применительно к первобытным способам лечения, которые представляют собой «шизоанализ в действии»/. Вместо того, чтобы все свелось к имени отца или отца матери, он (анализ) открывается всем именам истории: сюда входят институт вождей, отношения родов, отношения к колонизаторам... Другими словами, это прямая противоположность Эдипова анализа... Эдип вводится колонизаторами... Эдиповы рамки накладываются ими на обездоленных дикарей, но сами колонизированные сопротивляются Эдипу... Чем более общественное воспроизводство ускользает от членов группы, тем более оно обрушивается на них или замыкает их самих на ограниченное и невротизованное семейное воспроизводство, агентом которого является Эдип. Эдип – это всегда колонизация, проводимая другими средствами, это внутренняя колонизация, и мы убедимся, что даже у нас, европейцев, этот колониальное образование. Короче, подавление инцеста не рождается из вытесненного Эдипова представления, а само оно, скорее, вызывает это вытеснение. Но (и это совсем другое дело) общая система подавления-вытеснения порождает Эдипов образ как искажение вытесненного. Что сам этот образ в конечном итоге подвергается вытеснению по мере того, как сексуальное подавление распространяется на нечто другое, нежели инцест, об этом свидетельствует долгая история нашего общества. Вытесненным оказывается производство желания... Эдип – это способ кодировать неcodируемое, кодифицировать то, что ускользает от кодов.

Культурологи и этнологи показывают, что институты первичны по отношению к аффектам и структурам. Структуры не носят ментальный характер, они находятся в вещах, в формах общественного производства и воспроизведения... Культурологи обращаются к другим треугольникам, например, к материнскому (дядя-тетя-племянник); но сторонники Эдипа без труда показывают, что это воображаемые варианты одной и той же символической триангуляции... обращение к такого рода трансцендентному символизму дает структуралистам возможность избежать фамилиализма в самом узком смысле этого слова. /Абсолютный предел детерриториализации потоков желания – шизофрения, относительный предел – капитализм/. Шизофрения представляет собой абсолютный предел, а капитализм является относительным пределом... (есть еще) воображаемый предел... Что же касается Эдипа, то это – сдвинутый предел. Да, Эдип универсален. Но неверно верить в неизбежность следующей альтернативы: или он является продуктом системы подавление-вытеснение, и тогда он не универсален, либо он универсален и в таком случае является рычагом желания. На самом деле Эдипов комплекс универсален в силу того, что является смещением предела, который преследует все общества, смещением того, чего все общества боятся как чего-то глубоко негативного, а именно декодированных потоков желания. /Необходимые условия Эдипова комплекса: независимость семейного воспроизводства от социального производства и воспроизводства/; отделимые звенья цепи должны соединиться в отделенный трансцендентный объект, разрушающий их многозначность для того, чтобы этот объект /фаллос/ замкнул социальное поле на семейное, и установил между ними двуднозначные отношения. Этот паралогизм бессознательного возможен лишь при капитализме, хотя в его составе сохраняются некоторые архаизмы времен варварских империй вроде трансцендентного означющего. Открытая социальному полю первобытная семья этим требованиям не отвечает.

Бессознательное для шизоанализа ничего не значит: оно работает, движется и все тут. Оно не экспрессивно и не репрезентативно, но продуктивно. Символ – это всего лишь общественная машина, которая функционирует как машина желания, машина желания, работающая как общественная машина, инвестиция социальной машины желанием.

Институт или орган не сводятся к их использованию. Но иначе дело обстоит на молекулярном уровне машин желания, в рамках которых использование, функционирование, производство, образование едины. Этот синтез желания объясняет молярно ансамбли вместе с их специфическим использованием в биологическом, социальном и лингвистическом поле. Эти большие молярные машины предполагают существование предустановленных связей, которые не объясняются их функционированием, потому что оно из них вытекает. Только машины желания производят связи, в соответствии с которыми они работают. Машины желания составляют микрофизику бессознательного, элементы микробессознательного. Но как таковые они никогда не существуют независимо от молярных исторических ансамблей, макроскопических общественных формаций, которые из них статистически состоят. В этом отношении есть только желание и социальность. За сознательными инвестициями экономических, политических и религиозных формаций скрываются бессознательные сексуальные инвестиции, микроинвестиции... Машины желания работают в социальных машинах, как если бы они сохраняли собственный режим в молярном ансамбле, который они, с другой стороны, образуют на уровне больших чисел. Символ, фетиш представляют собой проявления машины желания. Сексуальность является молекулярным подразделением, работающим внутри общественной совокупности и лишь вторично семейным образованием. Неэдипово бессознательное... производит Эдипа как одно из вторичных статистических образований.

Система жестокости куда ближе по своему устройству к машинам желания, чем капиталистическая аксиоматика, которая высвобождает декодированные потоки. Желание там еще не попало в ловушку Эдипова комплекса, потоки еще не утратили свою многозначность и простое представленное в представлении еще не заняло места представляющего. Чтобы оценить в каждом случае природу аппарата вытеснения и его воздействие на производство желания, нужно принимать во внимание не только элементы представления, то, как они организуются в глубине, но и тот способ, каким само представление организуется на поверхности записи социуса.

Общество не является основанным на обмене, социус занимается записью: не обменивать, а маркировать тела, принадлежащие земле. Мы видели, что режим долга прямо вытекал из требований этой первобытной записи... Именно брак кодирует потоки желания и с помощью долга заставляет человека запоминать слова. Брак еще вытесняет великую филиативную, интенсивную и немую память... Именно долг составляет браки со ставшим расширенным родством. Брачный союз-долг отвечает тому, что Ницше описывал как доисторический труд человечества: пользоваться самой жестокой мнемотехникой по самому мясу для того, чтобы навязать память слов на основе вытеснения древней биокосмической памяти. Вот почему так важно видеть в долге прямое следствие изначальной записи, а не превращать его – не превращать сами записи – в косвенное средство всеобщего обмена. Вопрос, который оставил открытым Мосс, следующий: долг первичен по отношению к обмену или же он является лишь модусом обмена, средством на службе обмена? Леви-Строс замкнул этот вопрос категорическим ответом: долг – всего лишь суперструктура, сознательная форма, в которой выковывается бессознательная общественная реальность обмена. Речь здесь идет не просто о теоретической дискуссии; здесь ангажирована вся концепция социальной практики и вся проблема бессознательного. Ибо если обмен лежит в основе всех вещей, то почему, собственно, нечто не должно быть обмениваемо? Почему нужен дар и контрпоставка, а не просто обмен? И почему дающий находится в положении обворованного? Именно кража не дает подарку и ответному подарку войти в меновое отношение. Желание игнорирует обмен, оно знает только дар и кражу (иногда одно как другое под воздействием первичной гомосексуальности). Такова антименовая любовная машина, обнаруженная Джойсом в «Изгнанниках» и П.Клоссовски в «Роберте»... Но возражат, что если желание игнорирует обмен, то это происходит потому, что обмен является бессознательным желанием... По какому, собственно, праву провозглашают купюры долга вторичными по отношению к «более реальной» тотальности? Между тем обмен известен, хорошо известен – но как нечто, что нуждается в заклитии, чтобы не развилось

нечто похожее на меновую стоимость, нечто кладущее начало кошмару товарной экономики... То, что обмен тормозится и заклиняется, ни в коем случае не является свидетельством в пользу его первичности, но, напротив того, доказывает, что самое главное – не обменивать, а записывать, метить. А когда обмен превращается в бессознательную реальность, сколько бы ни ссылались при этом на права структуры, на необходимое несоответствие положений и идеологий по отношению к этой структуре, имеет место не более как гипостазирование принципов меновой психологии для объяснения институтов, относительно которых, с другой стороны, утверждается, что они не имеют меновой природы. Бессознательное в таком случае сводится к пустой форме, из которой изгнано даже само желание... между тем как на самом деле бессознательное – это работающая машина.

Во-первых, о структурах родства трудно не мыслить так, как если бы брачные союзы вытекали из кровнородственных отношений, хотя именно косвенные союзы и блоки долга обуславливают расширенное родство, а не наоборот. Во-вторых, имеется стремление превращать эти отношения в логическую комбинаторику вместо того, чтобы принимать их за то, чем они являются, а именно физической системой, в которой распределяются интенсивности... В-третьих, меновая структуралистская концепция имеет тенденцию постулировать нечто вроде равновесия цен, первичную эквивалентность или равенство... Нет ничего более поучительного в этом плане, чем полемика между Леви-Стросом и Эдмундом Личем по поводу системы брака племени качин. Ссылаясь на «конфликт между эгалитарными условиями обобщенного обмена и их аристократическими последствиями», Леви-Строс представляет дело так, будто Лич исходил из того, что система находится в состоянии равновесия. Между тем проблема совсем в другом: речь идет о выяснении того, является ли неравновесие патологическим и второстепенным, как полагает Леви-Строс, или оно функционально и принципиально, как думает Лич. Является ли нестабильность производной по отношению к идеальному обмену или данной уже в предпосылках, включенной в гетерогенность терминов, составляющих поставки и контрпоставки?.. Необходимо открытый характер системы искажается тем, что меновая концепция постулирует закрытую систему... Не только сущностная открытость блоков долга, но прежде всего отношение статистических образований к их молекулярным элементам оказываются при этом сведенными к простой эмпирической реальности, неадекватной структурной модели. Меновая концепция в этнологии и буржуазная политэкономия... сводят общественное воспроизводство к сфере обращения. Сохраняется лишь объективная видимость в том виде, как она описана социусом, без учета реальной инстанции, которая ее записывает, а также экономических и политических сил, с помощью которой она записана...

Первобытные формации оральные, вокальные, но не потому, что у них нет графической системы: танец на земле, рисунок на стене, отметка на теле являются графическими системами, гео-графизмом, гео-графией. Эти формации оральные исключительно потому, что имеют графическую систему, независимую от голоса, которая не равняется на голос, не подчиняется ему, но присоединена к нему, скоординирована с ним. Иначе обстоят дела... в случае линейного /фонетического/ письма: цивилизации перестают быть оральными лишь в случае потери независимости и собственной структуры графической системы: именно равняясь на голос, графизм его вытесняет, индуцируя фиктивный голос. /Леруа-Гуран прекрасно эти два полюса описал: пара голос-слух и пара рука-графизм/.

Великой книгой современной этнологии является не «Опыт о даре» Мосса, а «Генеалогия морали» Ницше. По крайней мере так должно было быть...

Деспот отвергает боковые брачные союзы и расширенные родственные группы древней общины. Он навязывает новый союз и ставит себя в прямое родство с богом: бог должен следовать его примеру. Перескочить в новый брак, порвать со старым родством – вот его цель. Это выражается в странной машине, подвергающей тела людей жесточайшим испытаниям... Это и параноидальная машина, поскольку она выражает себя в борьбе со старой системой, и великолепная холостая машина, поскольку обеспечивает победу нового брака. Деспот – параноик, новые перверсивные группы распространяют изобретение деспота (возможно, они его за него и сделали), разносят его славу и навязывают его власть городам, которые основывают и завоевывают. Мы имеем варварскую имперскую формацию или деспотическую машину всякий раз, когда мобилизуются категории нового союза и родства. Каков бы ни был контекст этой мобилизации, имперская формация всегда определяется определенным типом кодирования и записи, по праву противостоящим

первобытному территориальному кодированию... Новый союз и прямое родство свидетельствуют об /образовании/ нового социуса, несводимого к «боковым союзам и расширенному родству... Паранойю определяет мощь проекции, способность начинать с нуля... Субъект выпрыгивает из скрещения «брак-родство», обосновывается на пределе, у горизонта, в пустыне, это субъект детерриториализованного знания, которое связывает его непосредственно с Богом и с народом. Впервые от жизни и от земли отнимается нечто, что позволит судить о жизни и воспарять над землей (параноидальный принцип познания). Относительная игра браков и родства доводится до абсолюта в этом новом союзе, в этом прямом родстве. Полное тело социуса перестало быть землей, стало телом деспота, самим деспотом или его богом. Предписания и запреты, которые нередко лишают его способности действовать, делают из него тело без органов... Важна не личность суверена, ни даже его функция, которая может носить ограниченный характер. Глубоко изменилась сама социальная машина: место территориальной машины заняла мегамашина государства, функциональная пирамида с деспотом, неподвижным двигателем, на вершине; бюрократическим аппаратом как боковой поверхностью и органом передачи и крестьянами как рабочими частями в ее основании... Блоки долга становятся бесконечным отношением в форме дани (подати, налога). Объектом присвоения становится прибавочная стоимость кода. Конверсия пронизывает все синтезы... Меняется принцип поселения как следствие движения детерриториализации. /Происходит замена знаков земли абстрактными знаками, территории – псевдотерриториальностью/. На горизонте деспотизма всегда маячит монотеизм: долг становится долгом существования самих субъектов.

Наступает время, когда кредитор еще не дал в долг, но должник не прекращает возвращать, потому что возвращать его долг, его бесконечный долг... На теле деспота происходит коннективный синтез древних брачных союзов с новым и дизъюнктивный синтез, заставляющий древнее родство вливаться в прямое родство... Сущность государства – в создании второй записи, с помощью которой новое полное тело, неподвижное, монументальное, неизменное, овладевает всеми силами и агентами производства; но эта государственная запись дает сохраниться древним территориальным записям в качестве «кирпичиков» на новой поверхности... Так, в рассказе Кафки «Китайская стена», Государство является высшей трансцендентной сущностью, интегрирующей относительно изолированные подансамбли, которые функционируют отдельно и которым оно поручает фрагменты строительной работы. Это как бы рассеянные частичные объекты, приделанные к телу без органов. Никто лучше Кафки не сумел показать, что закон не имеет ничего общего с естественной гармоничной целостностью. Сущность государства – в перекодировании, но не в декодировании.

Инцест с сестрой и инцест с матерью – две совершенно разные вещи. Сестра не является заместительницей матери: одна принадлежит к коннективной категории брака, другая к дизъюнктивной категории родства. Одна запрещена в той мере, в какой условия территориального кодирования требуют, чтобы брачные союзы не смешивались с родством, другая /мать/ – в той мере, в какой родство по восходящей линии не должно «наплывать» на родство по нисходящей линии. Поэтому деспот благодаря новому союзу и прямому родству совершает двойной инцест. Он начинает с женитьбы на сестре. Поскольку эндогамия запрещена, он делает это вне племени... Эндогамный брак вне племени ставит героя в положение перекодирующего все эндогамные браки племени... Инцест же с матерью... перекраивает расширенное родство в прямое родство. Брак с сестрой вовне, это как бы испытание пустыней, он выражает пространственный разрыв с первобытной машиной; он основывает новый союз, осуществляя обобщенное присвоение всех брачных долгов. Брак с матерью связан с возвращением в лоно племени; он выражает временной разрыв с первобытной машиной /отрицается разделение поколений/; он образует родство, вытекающее из нового союза, совершая обобщенное накопление запаса родства. Оба союза необходимы для перекодирования... В имперской формации инцест перестал быть сдвинутым представленным желанием и стал самим вытесняющим представлением. Нет никакого сомнения в том, что тот способ, каким деспот совершает инцест и делает его возможным, ни в коей мере не упраздняет аппарат вытеснения-подавления; напротив того, он составляет его часть, он всего лишь заменяет его детали; кроме того, инцест в качестве смещенного представления занимает теперь положение вытесняющего представления... Просто было бы, даже слишком просто, если было бы достаточно сделать инцест

возможным, суверенно совершить его, чтобы механизм вытеснения и подавления перестал работать. Варварский королевский инцест – это всего лишь средство перекодирования потоков желания, но, конечно, не средство их освобождения. Поскольку инцест никогда не был тождественен желанию, но был всего лишь смещенным представленным, как это последнее вытекает из вытеснения, подавление может только выиграть от того, что он придет на место самого представления и тем самым возьмет на себя вытесняющую функцию (что было проиграно уже на примере психоза, когда вторжение комплекса в сознание, если следовать традиционному критерию, не делает меньшим вытеснение желания). С новым местом инцеста в имперской формации... совершается лишь миграция глубинных элементов представления, что делает последнее еще более чуждым, более безжалостным, более окончательным или более «бесконечным» по отношению к производству желания.

Что действительно сильно изменяется в организации поверхности представления, так это отношение голоса и графизма... Деспот создает письмо, имперская формация превращает графизм в письмо в собственном смысле слова. Парадокс исследований Леруа-Гурана заключается в доказательстве того, что первобытные общества оральны не потому, что у них отсутствуют графизмы, но, напротив, они оральны потому, что графизм в них независим от голоса и метит тело знаками, которые соответствуют голосу, которые реагируют на голос, но являются автономными и не подстраиваются под него. И наоборот, варварские цивилизации являются письменными не потому, что они утратили голос, но потому, что графическая система потеряла в их рамках свою независимость и собственную зону воздействия, подстроилась к голосу, подчинилась голосу, извлекла из него абстрактный дерриториализованный поток, который его содержит, заставляя звучать линейный код письма. Короче, одним и тем же ходом графизм попадает в зависимость от голоса и индуцирует молчаливый голос высот, голос свыше, который попадает в зависимость от графизма. Лишь благодаря своему подчинению голосу письмо его вытесняет. Деррида прав, считая, что всякий язык предполагает изначальное письмо... т.е. изначальное существование какого-то графизма... В письме в узком смысле слова нельзя установить разрывов между пиктографическими, идеограмматическими и фонетическими приемами: там всегда уже есть равнение на голос вместе с подменой голоса... Он /Деррида/ также прав, таинственным образом связывая письмо с инцестом. Но мы не видим никакого основания для заключения о постоянстве аппарата вытеснения в виде графической машины, действующей как посредством иероглифов, так и с помощью фонем... Первобытно территориальный знак значим сам по себе, он фиксирует желание в многообразии его взаимосвязей, он не является знаком знака или желанием желания, он игнорирует линейную субординацию и взаимность: не будучи ни пиктограммой, ни идеограммой, он – ритм, а не форма, зигзаг, а не линия, артефакт, а не идея, производство, а не выражение...

Территориальное представление состоит из двух гетерогенных элементов: голоса и графизма. Голос – это как бы представление слова, конституированного через не прямой брак, графизм же – представление вещи (тела) в терминах расширенного родства. Они воздействуют друг на друга, осуществляя зачаточное интенсивное вытеснение. Вытесняется полное тело без органов как основа интенсивной земли... Третий элемент – глаз, который видит слово (он его видит, а не читает), поскольку он оценивает связанную с графизмом боль... знаком становится означенное тело или вещь как таковые. Поэтому здесь невозможен инцест... /Все это рушится в империях; графизм подчиняется голосу и становится письмом. Неземной голос нового союза проявляется как письмо и как прямое родство/. Происходит разрушение магического треугольника: голос больше не поет, но диктует... Графизм больше не танцует, перестает одушевлять тела, он теперь записывает в застывшем виде на скрижалях, камнях и в книгах; глаз начинает читать (письмо не влечет за собой, а подразумевает какое-то ослепление, потерю зрения и способности оценивать...)... Точнее, треугольник все же сохраняется как основа, как кирпичик, поскольку территориальная система продолжает работать в рамках новой машины. Треугольник становится основанием пирамиды, все грани которой сводят вокальное, графическое и визуальное к выдающемуся единству деспота... Обрушивание графизма на голос выбило из цепи трансцендентный объект, молчаливый голос, от которого теперь начинает зависеть вся цепь и по отношению к которому она выстраивается в линию... индуцируется фиктивный голос высот, который выражает себя лишь с помощью письменных знаков, испускаемых им

(откровение)... Здесь берет начало вопрос, что это значит. Письмо как первый детерриториализованный поток вытекает из деспотического означающего, означающее – это знак, ставший знаком знака, деспотический знак, заменивший знак территориальный, перешедший порог детерриториализации: означающее – это не более как сам детерриториализованный знак. Знак, ставший буквой. Желание не осмеливается более желать, став желанием желания, желанием желания деспота. Рот более не говорит, он вкушает букву. Глаз больше не видит, он читает. По телу нельзя больше вырезать как по земле, оно простирается перед изображениями сверхземного деспота, нового полного тела.

Никакой водой не смыть с означающего его имперское происхождение: главное означающее есть означающее-господин. Сколько ни погружай означающее в имманентную систему языка, сколько не используй его для устранения проблем смысла и значения, сколько ни растворяй его в существовании фонематических элементов, где означаемое есть лишь дифференциальный признак, сколько ни сравнивай язык с обменом и деньгами – ничто не может помешать означающему вновь стать трансцендентным, свидетелем исчезнувшего деспота, который еще функционирует в современном империализме... На лингвистике еще лежит тень восточного деспотизма. Не только Соссюр настаивает на том, что произвольность языка является основой его суверенности... Любопытно, что те, кто так хорошо демонстрирует рабское положение массы по отношению к минимальным элементам знака в имманентности языка, не показывают, как господство осуществляется через трансцендентность означаемого. Поразительны в этой связи сила и ясность, с которыми Ж.Лакан возвращает означающее к его источнику, к его истинному происхождению, эпохе деспотизма, и монтирует адскую машину, которая спаривает желание с законом... С приходом деспота исчезло то, что делало инцест возможным, а именно то, что мы имеем то наименования, но не лица или тела, то лица и тела, но не наименования, отмечающие пределы (мать, сестра и пр.). Инцест стал возможным при условии сочетания тела родства с наименованиями родственников, в союзе означающего с означаемыми... Как только инцест становится возможным, не имеет значения, настоящий он или нет, потому что в любом случае через инцест имитируется нечто другое, чем он сам... В инцесте означающее совокупляется со своими означаемыми. Поэтому инцест меняет смысл и становится вытесняющим представлением. Ведь именно об этом идет речь в перекодировании через инцест: речь идет о том, чтобы все органы всех субъектов, все глаза, рты, пенисы, влагалища, уши, анусы зацепились за полное тело деспота как за павлиний хвост королевской мантии... Королевский инцест неотделим от интенсивного умножения органов и их записи на новом полном теле (эту неотъемлемую королевскую функцию инцеста хорошо видел маркиз де Сад)... Надо было сделать так, чтобы ни один орган не отделился от тела деспота. /Имперская система кажется более мягкой: знаки пишутся не на теле, а на камнях, досках, пергаментях/. Согласно установленному Виттфогелем закону «убывающей эффективности администрации», большие сегменты остаются полуавтономными, поскольку они не компрометируют власть государства. Глаз не извлекает больше прибавочной стоимости из зрелища боли, он прекратил оценивать, он принялся «предотвращать» и надзирать, препятствовать тому, чтобы прибавочная стоимость ускользала от перекодирования деспотической машиной. На самом деле социальный режим не смягчился: на смену системе жестокости пришла система террора. Древняя жестокость сохраняется, главным образом в автономных или квазиавтономных секторах. Но теперь она стала винтиком в аппарате Государства, которое эту жестокость то организует, то терпит, то ограничивает, чтобы поставить ее на службу своим целям и подвести ее под высшее, наложившееся единство более ужасного закона. Закон начинает противостоять – или создавать видимость противостояния – деспотизму намного позднее. Закон зарождается вовсе не как гарантия против деспотизма... Следует отметить две черты варварского имперского закона: параноидально-шизоидную (метонимия), в соответствии с которой он управляет нетотализованными или нетотализуемыми частями, отделяя их перегородками; маниакально-депрессивную (метафора), в соответствии с которой он ничего не позволяет познать, не имеет познавательного объекта... Пусть тело освободилось от графизма, свойственного ему при системе коннотации, зато теперь оно стало бумагой и камнем, скрижалей и деньгами, на которых новое письмо может писать свои фигуры, свою фонетику и алфавит. Перекодировать – такова сущность нового закона и источник новых страданий для тела. Наказание перестало быть праздником, из которого глаз извлекал прибавочную

стоимость в магическом треугольнике брака и родства. Наказание становится мезью, мезью голоса, руки, глаза, соединенной теперь с деспотом, мезью нового союза, публичность которого не делает его менее тайным... Закон есть изобретение самого деспота: это юридическая форма, которую принимает бесконечный долг... Юрист входит в свиту деспота...

Вечное злопамятство подданных соответствует вечной мести деспота... Когда детерриториализованный знак становится означающим, колоссальное количество ранее явных реакций переходит в скрытое состояние... Мезь и злопамятство – таково не начало справедливости, но ее становление и ее судьба в империях (в изложении Ницше). Согласно пророчеству Ницше, не является ли государство собакой, которая хочет умереть? Но не является ли оно также тем, что возрождается из пепла?.. И в этом случае нужно, чтобы смерть ощущалась изнутри, но чтобы она пришла извне.

Начало Эдипа – в имперском представлении, когда из смещенного представленного желанья он стал самим вытесняющим представлением. Невозможное стало возможным; незанятый предел теперь занят деспотом. Эдип – это хромоногий деспот, осуществляющий двойной инцест путем перекодирования, а именно инцест с сестрой и инцест с матерью как телесными представлениями, подчиненными вербальному представлению (экстраполяция определенного объекта, двуднозначность, введение закона в желанье и подчинение желанья закону – таковы новые паралогизмы власти)... Но мы еще очень далеки от психоаналитического Эдипа... Перед нами история желанья, его сексуальная история. Но все детали работают здесь как колесная система машины государства. Желанье, конечно, не разыгрывается между сыном, матерью и отцом. Но оно начинается с либидозной инвестиции государственной машины, а сверх того вытесняет машины желанья. Инцест является следствием этой инвестиции (а не наоборот), он затрагивает сначала деспота, его сестру и мать, он является перекодирующим и вытесняющим представлением. Отец участвует в этом представлении в качестве представителя древней территориальной машины, сестра – как представительница нового союза, мать – как представительница прямого кровного родства. Отец и сын еще не родились. Вся сексуальность распределяется между машинами... Чтобы возник психоаналитический Эдип, нужно, чтобы вытесняющее представление стало представителем самого желанья. И чтобы оно стало им в качестве смещенного вытесненного. Нужно, чтобы долг не только стал бесконечным долгом, но чтобы он был интериоризован и спиритуализован в качестве бесконечного долга (христианство и все последующее). Нужно, чтобы сформировались отец и сын, чтобы «маскулинизировалась» королевская триада, как прямое следствие интериоризованного бесконечного долга. Нужно, чтобы Эдипа-деспота сменили Эдипы-подданные, Эдипы-подчиненные, Эдипы-отцы и Эдипы-сыновья. Нужно, чтобы, завершив круг миграции, желанье познало крайнюю нужду: быть обращенным против себя самого, обращение против себя самого, угрызения совести, чувство вины, привязывающими его к максимально декодированному социальному полю. /Лакановский психоанализ – возвращение к Эдипу-деспоту от образа Эдипа/.

Частная собственность и товарное производство – могильщики государства. Появляются классы, поскольку господствующие слои уже не совпадают с государственным аппаратом. Государство уже не перекодирует, а декодирует потоки. Государство не есть общественно-экономическая формация, поэтому марксисты и не знали, что с этим делать. /За демократиями скрывается деспот государственности/... Государство – это желанье, которое переходит из головы деспота в сердца подданных, и от интеллектуального закона к целой физической системе, развивающейся на его основе и освобождающейся от него. Желанье Государства, самой фантастической машины подавления, остается желанием, желающим субъектом и объектом желанья. Желанье – вот операция, состоящая в том, чтобы привнести дух изначального государства в новый порядок вещей, делать его максимально имманентным новой системе, внутренне ей присущим, основывать империю духа там, где одного тела недостаточно...

Почему капитализм развился в Европе, а не в Китае, у арабов? Дело не в недостатке техники, технической машины. Не в том ли дело, что желанье там остается захваченным сетями деспотического Государства, инвестированного в машине деспота?.. Для капитализма есть только шизофреническое путешествие (позднее таково будет американское понимание границ: чего-то, за пределы чего надо выйти, что надо пересечь).

Декодированные желания, желание декодирования существовало всегда, история ими изобилует... Капитализм – это не просто декодированные потоки, а обобщенное декодирование потоков, новая массивная детерриториализация, конъюнкция детерриториализованных потоков. Именно особенности этой конъюнкции делают капитализм чем-то всеобщим... Если варварская деспотическая машина основывалась на дизъюнкции записи, то капиталистическая машина основывается на конъюнкции: все декодированные потоки обрушиваются на производство, на «производство ради производства»... Капитал как новое полное детерриториализованное тело. Это уже не эпоха жестокости или террора, но эпоха цинизма, сопровождающегося странной набожностью (таковы две составные части гуманизма: цинизм – это физическая имманентность социального поля, а набожность – поддержание спиритуализованного прагосударства...). Эпоха цинизма – это эпоха накопления капитала. Капитал есть новый социус и квазипричина, овладевающая всеми производительными силами. Это дифференциальное отношение /отношение переменного и постоянного капитала – М.Р./ выражает глубинно капиталистический феномен превращения прибавочной стоимости кода в прибавочную стоимость потока. Что математическая видимость заменяет здесь древние коды, означает просто, что имеет место банкротство кодов и сохраняющихся территориальностей в пользу машины другого рода, функционирующей совсем по-другому. Это уже не жестокость жизни или террор одной жизни против другой, но деспотизм *post mortem* [После смерти (лат.) – Прим. перев.], деспот, ставший анусом и вампиром... Таким образом, промышленный капитал представляет собой новейшую форму кровно-родственных отношений.

Одним из достижений Д. Кейноа было рассмотрение проблемы денег с точки зрения желания, и это нуждается в анализе с марксистской точки зрения. Вот почему досадно, что экономисты-марксисты слишком часто не идут дальше способа производства и теории денег как всеобщего эквивалента, как она развита в первой главе «Капитала», не уделяя достаточного внимания банковской практике, финансовым операциям и особому обращению кредитных денег (а это и было бы возвращением к Марксу, к марксистской теории денег).

/Перемещение центра эксплуатации в третий мир/. Капитализм все больше шизофренизуется на периферии. С развитием автоматизации и производительности труда развивается машинная прибавочная стоимость, производимая постоянным капиталом, и это не может объясняться факторами, противоречащими тенденции нормы прибыли к понижению (возрастающая интенсивность эксплуатации человеческого труда, сокращение цен на элементы постоянного капитала и т.д.), потому что, напротив, сами эти факторы от нее зависят. Нам – при учете всей необходимой некомпетентности – представляется, что подходить к этим проблемам надо с точки зрения превращения прибавочной стоимости кода в прибавочную стоимость потока... С одной стороны, коды сохраняются, пусть в качестве архаизмов, приспособившихся к ситуации персонифицированного капитала. Но с другой стороны, любая техническая машина предполагает потоки особого рода, потоки кода, одновременно внутренние и внешние машине, образующие элементы технологии и даже науки. Эти потоки кода также встраиваются, кодируются и перекодируются в докапиталистических обществах таким образом, что они никогда не становятся независимыми (кузнец, астроном...). Но обобщенное декодирование потоков при капитализме высвобождает, детерриториализует, декодирует кодовые, как и все другие, потоки, так что автоматическая машина все более интериоризует их в своем теле и в своей структуре, как поле сил, одновременно находясь в зависимости от технологии как науки, от умственного труда, отличного от ручного труда рабочего (эволюция технического объекта). Не машины создали в этом плане капитализм, но, напротив, капитализм создает машины... /Настоящая аксиоматика – это аксиоматика самой социальной машины, замещающей древнее кодирование. Общее недоверие капитала к машинам и науке/. Инновации вводятся лишь из-за нормы прибыли, так как их применение снижает издержки производства; в противном случае капиталист сохраняет существующие орудия... Прибавочная стоимость сохраняет свое решающее значение в аксиоматике мирового капиталистического рынка. Короче говоря, «высвобожденные» капитализмом в науке и технике кодовые потоки порождают машинную прибавочную стоимость, которая зависит прямо не от самих науки и техники, но от капитала и присоединяется к человеческой прибавочной стоимости, выправляя ее относительное понижение, так что обе они составляют прибавочную стоимость потока, которая характеризует систему. Познание, информация и

профессиональное обучение («капитал знания») не в меньшей степени входят в состав капитала, чем простейший неквалифицированный труд.

Государство, его полиция и армия, образуют, гигантское антипроизводительное предприятие в лоне самого производства... Антипроизводительный аппарат перестает быть трансцендентной инстанцией, которая противостоит производству, его пределом или тормозом; напротив, он повсеместно просачивается в производственную машину и накрепко сцепляется с ней, чтобы регулировать ее производительность и реализовывать прибавочную стоимость (отсюда различие между деспотической и капиталистической бюрократией)... Высшая цель капитализма – производить нехватку в больших количествах, вводить нехватку туда, где всегда был переизбыток... На уровне Государства и армии самые прогрессивные сегменты научного и технического знания соединяются с дряхлыми архаизмами, облеченными современными функциями.

По отношению к капиталистическому Государству социалистические Государства являются детьми (впрочем, детьми кое-чему научившимися у отца в том, что касается аксиоматической роли государства). Но социалистические Государства с большим трудом, разве что с помощью прямого насилия, затыкают неожиданные утечки потоков; аксиоматика капиталистического государства не более гибкая по природе своей, но более широкая и всеохватывающая. В такой системе все ассоциируется с антипроизводительной деятельностью, которая вдыхает силы во всю систему производства.

Письмо никогда не было принадлежностью капитализма. Капитализм глубоко неграмотен. Смерть письма подобна смерти Бога или отца, она свершилась уже давно, хотя пройдет длительное время, пока это событие до нас дойдет, и в нас продолжает жить воспоминание исчезнувших знаков, с помощью которых мы пишем. Причина этого проста: письмо подразумевает такое использование языка, в котором графизм приспосабливается к голосу, но также перекодирует его, вводит фиктивный голос свыше, работающий в качестве означающего... Конечно, капитализм пользовался и продолжает пользоваться письмом... Специфические свойства денег при капитализме проходят через письмо и типографию, отчасти проходят до сих пор. Но, тем не менее, письмо играет при капитализме роль типичного анахронизма, а гуттенберговская типография лишь делает современной функцию этого анахронизма. Но подлинно капиталистическое использование языка имеет другую природу; оно реализуется или становится конкретным в имманентном поле самого капитализма, когда появляются технические средства выражения, соответствующие обобщенному декодированию потоков, вместо того, чтобы в прямой или косвенной форме отсылать к деспотическому перекодированию. К этому сводится смысл исследований Маршала Мак-Люэна: он в том, чтобы показать, что существует язык декодированных потоков, составляющий противоположность означающему, которое стягивает и перекодирует потоки. Во-первых, для этого неозначающего языка все одинаково подходит: ни один фонический, графический, кастовый и т.д. поток не является привилегированным в этом языке, который проявляет безразличие к субстанции... электрический поток может рассматриваться как реализация потока как такового. Фигуры этого языка не имеют никакого отношения к означающему, ни даже к знакам как минимальным элементам означающего, это не-знаки, точнее, неозначающие знаки, знаки-точки с множеством измерения, это шизы или потоки-прерывы, они абсолютно не «фигуративны»... из трех миллионов точек в секунду, передаваемых по телевизору, /глазом/ воспринимаются лишь немногие. Электрический язык не проходит через голос и через письмо; без них обходится и информатика (например, ЭВМ – машина для мгновенного декодирования).

Имеются очень большие различия между лингвистикой потоков и лингвистикой означаемого. Например, соссюрская лингвистика обнаруживает поле имманентности, составленное «ценностью», т.е. системой отношений между окончательными элементами означающего... но это поле имманентности предполагает трансцендентность означающего... Основные признаки соссюрской лингвистики: язык-игра, подчинение означаемого означающему, трактовка фигуры языка как проявления означающего; формальные элементы означающего определяются по отношению к фонической субстанции, которая получает тайную привилегию от самого письма. Мы полагаем, что лингвистика Ельмслева противостоит соссюрской и постсоссюрской лингвистике, потому что она отказывается от привилегированной точки отсчета, описывает поле чисто алгебраической имманентности /языка/ без какой-либо трансцендентной инстанции,

опираясь не на означающее-означаемое, а выражение-содержание... двойная артикуляция осуществляется уже не между двумя иерархизованными уровнями языка, но между двумя детерриториализованными конвертируемыми планами, состоящими из отношения между формой содержания и формой выражения... Он /Ельмслев/ стремится создать чисто имманентную теорию языка, которая разбивает двойную игру господства голос-графизм, делает текучими форму и субстанцию, содержание и выражение в соответствии с потоками желаяния и разрезает потоки в соответствии со знаками-точками и фигурами-шизами.

Далекая от структуралистской сверждетерминации с ее приверженностью означаемому, лингвистика Ельмслева указывает /на возможность/ ее планомерного разрушения и конституирует декодированную теорию языков... единственно приспособленную к природе потоков одновременно капиталистических и шизофренических: до настоящего времени это единственная современная, а не архаическая теория языка. /Общая критика означающего в книге Ж.-Ф.Лиотара «Дискурс, фигура»/. Означающее окружено вовне фигуративными образами, а внутри чистыми фигурам, которые переворачивают кодированные дифференциальные признаки... это асигнификативные знаки, относящиеся к порядку желаяния, дыхания, крики. Повсюду Лиотар переворачивает порядок означающего и фигуры. Не фигуры зависят от означающего и его последствий, а цепь означающего зависит от фигурных эффектов, состоящих из асигнификативных знаков, разбивающих как означающие, так и означаемые, берущих слова как вещи, изготовляющих новые единицы и складывающих из нефигуративных фигур конфигурации образов, возникающих и распадающихся... доминирует чисто фигурный элемент, фигура-матрица. Лиотар называет ее желанием, которое подводит нас к порогу шизофрении как процесса... в противоположности имперскому дискурсу Лакана...

Наше общество производит шизофреников так же, как оно производит шампунь «Доп» и автомобили «Рено» с той лишь разницей, что первых нельзя продать. Но как, однако, объяснить то, что капиталистическое производство постоянно останавливает шизофренический процесс, превращая его субъекта в замкнутое клиническое существо, как если бы оно видело в этом процессе внешний образ своей собственной смерти? Почему оно заточает безумцев вместо того, чтобы видеть в них своих героев, свое собственное завершение?... Почему оно, в свою очередь, образует гигантскую машину подавления-вытеснения по отношению к тому, что составляет его собственную реальность, к декодированным потокам? Дело в том, что, как мы видели, капитализм является пределом любого общества, поскольку он совершает декодирование потоков, которые другие общественные формации кодировали и перекодировали. Тем не менее, он является относительным пределом или прерывом, так как заменяет коды очень строгой аксиоматикой, которая удерживает в связанном состоянии энергию потоков на теле капитала как социуса детерриториализованного, но так же и даже более безжалостного, чем любой другой социус. Напротив того, шизофрения является абсолютным пределом, который переводит потоки в свободное состояние на десоциализованном теле без органов... Шизофрения – это внешний предел самого капитализма... капитализм работает лишь при условии затормаживания этой тенденции, отталкивания и смещения этого предела, замены его собственными относительными имманентными пределами, которые он не перестает воспроизводить в расширенном масштабе. То, что он декодирует одной рукой, он аксиоматизирует другой... Потоки декодируются и аксиоматизируются капитализмом одновременно. Шизофрения не является чем-то тождественным капитализму, но, напротив того, различающимся от него, отходом от него и его смертью. Денежные потоки представляют собой совершенно шизофренические реальности, но они существуют и функционируют лишь в рамках имманентной аксиоматики, которая заключает и отталкивает их реальность. Язык банкира, генерала, промышленника, чиновника высокого и среднего уровня является языком совершенно шизофреническим, но статистически он работает лишь в рамках опошляющей его аксиоматики, ставящей его на службу капиталистическому строю... А что происходит с «настоящим» шизофреническим языком, пересекающим эту стену или абсолютный предел? Капиталистическая аксиоматика так богата, что просто добавляет к существующим еще одну аксиому: можно задать словарные характеристики книг великого писателя и его стиля на ЭВМ или в рамках госпитальной, административной и психиатрической аксиоматики прослушать речь сумасшедшего. Короче, понятие потока-шиза или потока-купюры определяет, на наш взгляд, и капитализм и шизофрению. Но определяет совсем по-разному,

и это совсем не одно и то же – в зависимости от того, включается или нет декодирование в аксиоматику, остается ли оно на уровне больших статистически функционирующих ансамблей или пересекает барьер, который отделяет его от размытых молекулярных позиций... /Социальная аксиоматика – полная противоположность кода, она разрушает саму его основу/. Таким образом, знаки власти перестают быть тем, чем они являются с точки зрения кода: они становятся прямыми экономическими коэффициентами вместо того, чтобы дублировать экономические знаки желания и выражать со своей стороны неэкономические факторы, предопределенные господствовать... Власть принимает непосредственно экономический характер...

Капитал как социус или полное тело отличается от любого другого тем, что он сам выступает как непосредственно экономическая инстанция и обрушивается на производство без привлечения внеэкономических факторов, которые бы вписывались в код. С приходом капитализма полное тело воистину оголяется, как и сам производитель, к нему прикрепленный. И в этом смысле аппарат антипроизводства перестает быть трансцендентным, он пронизывает все производство и становится коэкстенсивным ему. В-третьих, разработанные условия деструкции любого кода в его становлении-конкретным сообщают отсутствию предела новый смысл. Оно уже не означает просто беспредельное абстрактное количество, но действительное отсутствие предела или конца применительно к дифференциальному отношению, где абстрактное становится чем-то конкретным. О капитализме мы одновременно говорим, что он не имеет внешнего предела и что он его имеет. Он имеет предел, каковым является шизофрения, т.е. абсолютное декодирование потоков, и он функционирует лишь отталкиваясь от себя или заклиная этот предел. И так же он имеет внутренние пределы и не имеет их: его предел – в специфических условиях капиталистического производства и обращения, т.е. самого капитала, но он функционирует лишь воспроизводя и расширяя эти пределы во все большем масштабе. Сила капитализма в том, что его аксиоматика ненасыщаема, что он всегда способен добавить новую аксиоматику к числу уже существующих... Поле капитализма определяется аксиоматикой, а не кодами... В-четвертых, аксиоматика не имеет никакой нужды в том, чтобы писать на самом теле, метить тела и органы или фабриковать людям память. В противоположность кодам, аксиоматика находит в различных аспектах себя самой собственные органы действия, восприятия, памяти. Память становится чем-то предосудительным. Нет больше никакой нужды в вере, капиталист только на словах сокрушается, что теперь никто ни во что не верит... несмотря на обилие паспортов, анкет и других средств контроля, капитализм не имеет нужды даже в книгах, чтобы возместить исчезнувшие телесные метки. Все это – пережитки, осовремененные архаизмы. Личность стала действительно «частной», так как является результатом игры абстрактных количеств и становится конкретной в становлении-конкретным самих этих количеств. Именно количества отмечаются, а не сами лица: твой капитал или твоя рабочая сила, остальное не имеет значения, тебя всегда обнаружат в расширенных пределах системы, даже если придется создать специально для тебя аксиому. Нет более нужды в коллективной инвестиции органов, органы в достаточной мере заполнены текучими образами, которые непрерывно производит капитализм... эти образы /изображения/ не столько обобществляют частное, сколько приватизируют коллективное: не покидая экран телевизора люди видят весь мир как семью. Это обстоятельство отводит частным лицам особую роль в рамках системы: роль приложений, а уже не импликаций в рамках кода. Скоро пробьет час Эдипа... но это не значит, что капитализм заменяет социуса, социальную машину, машиной технической. Качественное различие между этими двумя типами машин сохраняется, хотя и те и другие – настоящие машины, не метафоры. Специфика капитализма заключается в том, что деталями социальной машины являются технические машины как постоянный капитал, который прикрепляется к полному телу социуса, а уже не люди, ставшие придатками технических машин... Но сама по себе аксиоматика ни в коей мере не является простой технической машиной, пусть даже автоматической или кибернетической. Хорошо сказал о научной аксиоматике Бурбаки: социальные органы принятия решения, управления, записи, технократия и бюрократия, не сводятся к функционированию технических машин... основной орган здесь – Государство. Капиталистическое государство регулирует декодированные потоки как таковые в том виде, в каком они захвачены аксиоматикой капитала: из трансцендентного единства оно становится имманентным полю социальных сил, поступает к ним на службу и выполняет

роль регулятора декодированных и аксиоматизированных потоков... оно производится совместными действиями декодированных и детерриториализованных потоков... оно не изобретает эту аксиоматику, потому что она совпадает с самим капиталом. Напротив, оно из нее рождается, является ее результатом... Никогда Государство в такой мере не теряло власть, чтобы с таким рвением служить простым знаком экономической мощи.

То, что Государство находится полностью на службе господствующего класса, является практической очевидностью, и еще не раскрывает теоретических оснований. Эти основания просты: с точки зрения капиталистической аксиоматики есть только один класс, класс, призванный быть всеобщим, буржуазия... Классы являются негативами каст и рангов, это декодированные касты и ранги. Перечитать всю историю через посредство классовой борьбы, значит прочесть ее в функции буржуазии как декодирующего и декодированного класса. Она является единственным классом как таковым, в той мере, в какой она ведет борьбу против кодов и совпадает с обобщенным декодированием потоков... С появлением буржуазии исчезает наслаждение как цель... единственная ее цель – абстрактное богатство и его реализация (не в формах потребления)... появляется ни с чем не сравнимое рабство, беспрецедентное подчинение: больше нет даже хозяина, теперь рабы командуют рабами, нет больше нужды понукать животное извне, оно само себя понукает. И не то чтобы человек стал рабом технической машины; но будучи рабом социальной машины, буржуа подает пример; он поглощает прибавочную стоимость в целях, которые в целом не имеют ничего общего с наслаждением: больше раб, чем последний из рабов, он есть животное воспроизводства капитала, интериоризация бесконечного долга. «И я тоже, я тоже раб», – таковы слова нового хозяина. /Но от этого буржуазия не перестает быть господствующим классом/. Короче, теоретическое противопоставление имеет место не между двумя классами, ибо само понятие класса – обозначающее как бы «негатив» кодов – подразумевает, что есть только один класс. Теоретическая оппозиция находится в другом месте: между декодированными потоками в том виде, в каком они становятся частью классовой аксиоматики на полном теле капитала и декодированными потоками, которые высвобождаются не только от этой аксиоматики, но и от деспотического означющего, которые переходят через этот порог и порог порога и начинают течь по полному телу без органов. Это оппозиция между классом и внеклассовым, между режимом социальной машины и режимом машин желания. Между относительными внутренними пределами и абсолютным внешним пределом. Если угодно, между капиталистами и шизофрениками, в их фундаментальной близости на уровне декодирования, в их глубокой враждебности на уровне аксиоматики (отсюда сходство пролетариата... с шизом). /Сомнительность тезиса захвата государственной машины пролетариатом и ее разрушения/. Так называемое социалистическое государство основывается на изменении производства, производственных единиц и системы экономического расчета. Но эта трансформация может совершиться лишь на основе уже завоеванного государства, перед которым встают те же аксиоматические проблемы извлечения излишка или прибавочной стоимости, накопления, потребления, рынка и денежного исчисления... альтернатива не между рыночной и плановой экономикой, поскольку планирование по необходимости вводится в капиталистическом государстве, а рынок сохраняется при социализме, пусть в качестве монополистического государственного рынка... Громадная работа, проделанная Лениным и русской революцией, заключалась в выковывании классового сознания в соответствии с объективным бытием и интересами, чтобы в качестве следствия навязать капиталистическим странам признание биполярности классов. Но этот великий разрыв, осуществленный Лениным, не помешал возрождению государственного капитализма при самом социализме, так же как не помешал он классическому капитализму все больше вытеснять на периферию неконтролируемые (не более контролируемые официальным социализмом, нежели капитализмом) революционные элементы... Противостоят террористическая, ригидная, быстро насыщающаяся аксиоматика социалистического Государства и старая циничная и гибкая капиталистическая аксиоматика... по Сартру, нет классовой спонтанности, а есть только «групповая»: откуда необходимость различать «группы в слиянии» и класс, который остается «серийным», представленным партией или Государством. Они не находятся на одном уровне. Классовый интерес принадлежит к порядку больших молярных ансамблей: он определяет всего лишь коллективное предсознательное... Настоящее бессознательное, напротив, лежит в желании группы,

запускающей молекулярный порядок машин желания. Проблема в разнице между бессознательными желаниями группы и предсознательными классовыми интересами... Должен быть услышан, наконец, вопль Райха: массы не были обмануты, они хотели фашизм. Фашистское Государство, без сомнения, было самой фантастической попыткой экономической и политической ретерриториализации при сохранении капитализма. Но и социалистическое государство имеет собственные меньшинства, свои территориальности... (русский национализм, территориальность деления партии: пролетариат конституируется в класс лишь на базе искусственных территорий; параллельно с этим буржуазия ретерриторизуется в весьма подчас архаических формах). Знаменитая персонализация власти подобна новой территориальности, дублирующей детерриторизацию машины... Производство детерриторизует, частная собственность на средства производства ретерриторизует, по Марксу. Прагосударство как перекодирующий, ретерриторизирующий пережиток варварства и капитал. Параноидальный деспот и декодирующий шизофреник. Парадокс в том, что капитализм пользуется прагосударством для осуществления ретерриториализаций. Но в глубине своей имманентности современная аксиоматика невозмутимо воспроизводит трансцендентное Прагосударство как ставший внутренним предел или один из полюсов...

При капитализме представление относится к самой производственной деятельности. Имеет место приватизация семьи, прекращающей давать социальную форму экономического воспроизводства, она выведена за скобка... подчинена автономной общественной форме экономического воспроизводства и занимает то место, на которое эта форма ей указывает. Т.е. элементы производства и антипроизводства не воспроизводятся как сами люди, но застают в их лице простой материал, который форма экономического воспроизводства организует способом, совершенно отличным от того, каким организовано воспроизводство людей. Именно в силу своей приватизованности... форма материала или воспроизводства людей предполагает всех их равными между собой, но в самом поле экономического форма уже сформировала материал, чтобы породить там, где нужно, капиталиста как производную функцию капитала, а там, где нужно, рабочего как производную функцию рабочей силы, так что семья оказывается заранее перерезанной классовой организацией...

Это социальное выведение семьи за скобки является ее величайшей социальной удачей. Ибо это то условие, при котором социальное поле становится приложимо к семье. Индивиды теперь – это прежде всего социальные индивиды, т.е. производные абстрактных количеств. Частные лица являются образами второго порядка, образами образов, т.е. подобиями, которые наделяются способностью представлять образы первого порядка, социальных личностей... формально в лоне нуклеарной семьи они определены как мать, отец, ребенок. Но эта семья не является стратегической единицей, которая посредством свойства и родства открывается всему социальному полю, она всего лишь тактическая единица, на которую замыкается социальное поле, к которой оно предъявляет автономные требования воспроизводства... Свойство и родство проходят уже не через людей, но через деньги. Семья становится микрокосмом, выражающим то, чего она уже не покрывает... вместо того, чтобы развивать доминирующие факторы социального воспроизводства, семья ограничивается применением этих факторов к своему собственному способу воспроизводства. Отец, мать, ребенок становятся, таким образом, работающим подобием (симулякром) капитала... Семейные детерминации становятся приложением социальной аксиоматики... Все обрушивается на треугольник отец-мать-ребенок... Короче, бьет час Эдипа: он рождается в капиталистической системе применения социальных образов первого порядка к частным семейным образам второго порядка... в основе его лежит наше семейное колониальное воспитание... Эдип нас колонизирует... Когда семья перестает быть производящей и воспроизводящей единицей, становясь простой единицей потребления, мы начинаем потреблять папашу-мамашу. Социальное поле обрушивается на Эдипа...

Глава IV. ВВЕДЕНИЕ В ШИЗОАНАЛИЗ

До того как стать инфантильным чувством невротика, Эдип является параноидальной идеей взрослого... Эдип нечего бы не стоил без отождествления родителей со своими детьми, все начинается в голове отца: так вот что ты хочешь, убить меня, жить с матерью?..

С точки зрения гипотетической регрессии отец первичен по отношению к сыну. Параноидальный отец эдипизует сына. Комплекс вины – это идея, спроецированная отцом, а уже потом испытанная сыном как его внутреннее чувство. Первое заблуждение психоанализа – делать вид, что все начинается с ребенка. Это вынуждает его прибегнуть к абсурдной теории фантазма, согласно которой отец, мать, их реальные действия и страсти, должны быть поняты прежде всего как «фантазмы» ребенка (с этим связан отказ Фрейда от темы соблазнения)... Точка зрения абсолютной регрессии оказывается нерелевантной потому, что замыкает нас на простое воспроизводство или порождение. Кроме того, со своими органическими телами и организованными личностями она касается лишь объекта воспроизводства. Категорической и абсолютной является исключительно точка зрения цикла, потому что она постигает производство как субъект воспроизводства, т.е. как процесс самопроизводства бессознательного... не сексуальность состоит на службе у продолжения рода, а прогрессивное и регрессивное продолжение рода находится на службе у сексуальности как циклического движения, посредством которого бессознательное, не переставая быть «субъектом», самовоспроизводится. Тогда отпадает сам вопрос о том, кто первичен (отец или ребенок), потому что он возникает только в рамках фамилиализма. Если отец первичен по отношению к ребенку, то только потому, что социальная инвестиция первична по отношению к инвестиции семейной... Примат социального поля как предела инвестиции желания составляет цикл и определяет состояния, через которые проходит субъект. Второй недостаток психоанализа... – сам фамилиализм... первое, что сын вытесняет в общем социальном поле... это бессознательное отца и матери. Неудача такого вытеснения и есть основа неврозов. Но эта коммуникация бессознательного осуществляется вовсе не в рамках семьи... с ней связаны два основных типа социальных инвестиций: сегрегативный и номадический. Это как два полюса бреда: параноидально-фашистский полюс... да, я ваш, я принадлежу к высшему классу, высшей расе... и шизо-революционный полюс, который скользит по линиям желания, пробивает стену и пропускает потоки, строит машины и группы в слиянии на периферии, следуя путем противоположным предыдущему: я принадлежу к низшей расе, я – болван, я – негр. Порядочные люди говорят, что не нужно убегать, что это нехорошо, неэффективно, что нужно работать во имя реформ. Но революционер знает, что ускользание революционно...

Судьба американской литературы: пересекать границы, пропускать сквозь себя детерриториализованные потока желания, но также подыскивать для них новые территории фашистского, моралистического, пуританского и фамилиалистского толка. Параноик фабрикует массы, он – мастер больших молярных ансамблей, статистических, стадных образований, организованных толп. Он инвестирует все на основе больших чисел... он занимается макрофизикой. Шизофреник движется в противоположном, микрофизическом направлении, в направлении молекул, которые уже не подчиняются статистическим закономерностям; в направлении волн и корпускул, потоков и частичных объектов, которые перестают быть притоками больших чисел... Было бы, конечно, ошибкой определять эти два направления как коллективное и индивидуальное. С одной стороны, микробессознательное имеет не меньшее число устройств, сцеплений и взаимопересечений, хотя это устройства особого типа. С другой стороны, оно не принимает форму индивидуализированных личностей, поскольку знает только частичные объекты и потоки; форма /личности/ относится к статистическому распределению молярного или макробессознательного... Инвестиция в обоих случаях коллективна, это – инвестиция коллективного поля... Но два эти типа инвестиций радикально различаются... Один – это инвестиция подчиненной группы, которая вытесняет желания личностей, другая – это инвестиция группы-субъекта в поперечных множественностях, относящихся к желанию как молекулярному явлению...

Паранойя и шизофрения имеют место не на теле социуса, а на теле без органов. Паранойя заставляет нас присутствовать при воображаемом зарождении феномена массы, толпы. На теле без органов как на шарнире, как на границе между молярным и

молекулярным, совершается разделение параноя-шизофрения. Верно ли, что социальные инвестиции являются вторичными проекциями, как если великий двуликий шизоноик, отец первобытной орды, был в основе социуса как такового? Мы уже убеждались, что ничего подобного не было. Социус не является проекцией тела без органов, скорее, тело без органов представляет собой предел социуса, касательную детерриториализации, последний остаток детерриторизованного социуса. Социус... – это одетые полные тела, а тело без органов – это нагое полное тело.

В статистических ансамблях бессознательное претерпело вытеснение своих элементарных продуктивных сил, стало репрезентативным, представленным. Поэтому нужно выйти за пределы спора механицизма и витализма. («Книга машин» Сэмьюэля Батлера). Он разбивает виталистский тезис, ставя под сомнение специфическое или личностное единство организма, и в еще большей мере он отвергает тезис механицистов, ставя под вопрос структурное единство машины... Нас вводит в заблуждение то, что любую сложную машину мы рассматриваем как уникальный объект... Мы видим машину как целое, которому даем имя и индивидуацию; мы смотрим на наши собственные члены и воображаем, что машина образует что-то вроде индивида, возникшего из уникального центра репродуктивного действия. Но это антинаучный вывод, и то простое обстоятельство, что ни одна паровая машина никогда не была произведена на свет одной или двумя машинами того же вида, не делает оправданным заключение, что паровая машина вообще не является воспроизводящей системой. На самом деле каждая часть любой паровой машины производится своими и только своими прокреаторами... Батлер сталкивается с явлением прибавочной стоимости кода, когда одна часть машин захватывает в свой код фрагмент кода другой машины и, таким образом, воспроизводится благодаря части другой машины: красный клевер и шмель или орхидея и оса мужского пола, которую она притягивает, которую она перехватывает, перенося на цветок внешний вид и запах осы-самки.

На этом уровне дисперсии двух тезисов безразлично, назовем ли мы машины органами или органы машинами. Эти определения тождественны между собой: человек есть и «машинно-позвоночное животное», и «паразитирующая на машинах тля»... Как только происходит отказ от структурного единства машины и от личностного, специфического единства живого, между машиной и желанием образуется прямая связь, машина попадает в самую сердцевину желания, машина становится желающей, а желание – машинным. Эта не желание, которое пребывает в субъекте, но машина-в-желании, а остаточный субъект с другой стороны, со стороны машины, по всей окружности – паразит машин, аксессуар позвоночно-машинного желания. Короче, настоящее различие не между машиной и живым, витализмом и механицизмом, но между двумя состояниями машины, которые одновременно являются двумя состояниями живого. Машина, взятая в своем структурном единстве, и живое, взятое в своем специфическом, даже личностном единстве, представляют собой массовые феномены или молярные ансамбли, в этом качестве они извне отсылают друг к другу... Но в другом, более глубоком и существенном направлении, в направлении множественностей, имеет место взаимопроникновение, прямая коммуникация между молекулярными явлениями и сингулярностями живого... это – зона неопределенности в микрофизике и биологии, где в машине заключено столько же живых существ, сколько машин содержится в живом... Подлинное различие имеется между молярными машинами, с одной стороны (будь то социальные, технические или органические машины), и машинами желания молекулярного порядка – с другой. Вот что такое машины желания: производящие машины, сами сбой которых функциональны, функционирование которых совпадает с производством; это хроногенные машины... осуществляющие нелокализуемые связи, в которых само целое производится наряду с частями, как еще одна дополнительная часть... Это одни и те же машины (между ними нет качественного различия)... молярные и молекулярные... Поэтому мы с самого начала отвергли идею, что машины желания восходят к области снов или воображаемого и всего лишь дублируют другие машины. Есть только желание и среды, поля, формы стадности. Другими словами: молекулярные машины желания являются сами по себе инвестированными в больших молярных машинах или конфигурациях, которые они образуют по законам больших чисел... Это одни и те же машины в определенных условиях... но в разных режимах... Функционализм возможен лишь на субмикроскопическом уровне машин желания, машинных устройств, машинерии желания, ибо только на этом уровне функционирование и образование, использование и монтаж,

продукт и производство совпадают. Любой молярный функционализм ложен, потому что способ образования органических и социальных машин отличается от способа их функционирования, а технические машины собираются иначе, нежели используются, но включают в себя определенные условия, которые отделяют их собственное производство от их конкретного продукта. Смысл, а также цель и интенцию, имеет лишь то, что производится не так, как функционирует. Машины желания, напротив, ничего не представляют, ничего не означают, ничего не хотят, они есть в точности то, что из них делают, что с их помощью делают, что они сами из этого делают.

Речь не идет о том, чтобы биологизировать человеческую или антропологизировать естественную историю, но о том, чтобы показать общность участия социальных и органических машин в машинах желания. В основании человека лежит Оно: шизофреническая клеточка, шизомолекулы, их цепи и жаргоны. Имеется целая биология шизофреники, сама молекулярная биология (как и микрофизика) шизофренична. Но и наоборот: шизофрения, теория шизофреники, биологична, биокультурна, поскольку она рассматривает машинные сцепления молекулярного порядка, их распределение на карточках интенсивности на гигантской молекуле тела без органов и статистические накопления, которые образуют и отбирают макросовокупности.

На этот молекулярный путь вступил Сзонди (Szondi), открыв генное бессознательное, которое он противопоставил как индивидуальному бессознательному Фрейда, так и коллективному бессознательному Юнга... Однако подлинно молекулярное бессознательное не может ограничиться генами как воспроизводящими единицами; последние еще слишком экспрессивны и ведут к молярным ансамблям. Из молекулярной биологии мы знаем, что воспроизводится ДНК, а не протеины. Протеины же являются одновременно продуктами и производственными единицами, и они составляют бессознательное как цикл или самопроизводство бессознательного... на этом основывается независимость сексуальности от продолжения рода... Мы полагаем, что Д.Лоуренс и Г.Миллер более правильно оценивали сексуальность, чем Фрейд, в том числе с точки зрения пресловутой научности. /Сексуальность везде: в любовном прикосновении бюрократа к своим папкам, в чеке бизнесмена и пр./ Гитлер вызывал эрекцию у фашистов... революционная машина ничто, если она не приобретает, как минимум, столько же силы разрыва и потока, как эти машины принуждения. Либидо инвестирует большие ансамбли не путем десексуализирующего расширения, а, напротив, путем ограничения, блокировки и огибания его заставляют вытеснять эти потоки, чтобы удерживать их в узких клеточках вроде «пары», «семьи», «личностей», «объектов». Такая блокировка, конечно, по необходимости оправдана: либидо переходит на сознательный уровень лишь применительно к такому-то телу, такой-то личности, которую оно принимает за объект. Но сам наш «выбор объекта» отсылает к связи потока жизни и общества... Лица, на которых направлена наша любовь, включая родителей, возникают лишь как точки пересечения, дизъюнкции, конъюнкции потоков, они переводят содержащийся в них процент собственно бессознательных либидозных инвестиций... /Фурье о страстях/... фаллос не половой орган, а вся сексуальность, т.е. знак большого ансамбля, инвестированного либидо, из которого с необходимостью возникают одновременно два пола в их разделении (две гомосексуальных серии мужчины с мужчиной и женщины с женщиной) и статистические отношения внутри этого ансамбля. /Истолкование высказывания Маркса о «человеческом и нечеловеческом поле»/. Нечеловеческий пол – это машины желания, машинные молекулярные элементы, их устройство и синтезы, без которых не было бы ни выявления человеческого поля в больших ансамблях, ни человеческой сексуальности... В нескольких фразах Маркс, обычно столь скупой и сдержанный, когда речь заходит о сексуальности, пустил на воздух все то, узниками чего останутся Фрейд и психоанализ: антропоморфное представление о поле. В число антропоморфных представлений входит как мысль о том, что пола только два, так и мысль о том, что пол один... имеется в виду странная идея фрейдизма, что есть лишь один пол, мужской, по отношению к которому женщина определяется как недостаток, а женский пол – как отсутствующий пол. Может на первый взгляд показаться, что этот тезис обосновывает вездесущность мужской гомосексуальности. Ничего похожего: им обосновывается статистическая совокупность любви гетеросексуального типа... Неизбежным становится возведение фаллоса в ранг объекта свыше, распределяющего недостаток по двум неналожимым граням, объекта, который заставляет полы коммуницировать в общем отсутствии, кастрации... Но и идея, что

действительно есть два пола, в конце концов, не лучше первой... Хотя с ее помощью выходят за пределы если не антропоморфизма, то хоть фаллоцентризма. Но таким образом обосновывается не коммуникация двух полов, а их разделение на две гомосексуальные серии, продолжающие оставаться в пределах кастрации... Просто кастрация становится результатом пола, понятого как женский (маленький интериоризованный пенис). Поэтому мы утверждаем, что кастрация является основанием антропоморфного и молярного представления о сексуальности. Это всеобщее верование, которое одновременно объединяет мужчин и женщин под иго одной иллюзии сознания и заставляет их поклоняться этому ярму... Заниматься любовью – значит не одну и не две вещи, а сто тысяч разных вещей. Это и есть машины желания или нечеловеческий пол: не один пол, ни даже два пола, но n-полов. Шизоанализ – это переменный анализ n-полов в субъекте, осуществляемый поверх антропоморфного представления, которое ему навязывает общество и которое он сам имеет о своей сексуальности. Шизоаналитическая формула революции желания такова: каждому свои половые влечения. Фиаско Фрейда связано с превращением бессознательного в представление, которое уже не производит, а верит: в кастрацию, Эдипа и пр. Машины не играют у Фрейда никакой роли.

Машины желания встроены в социальные машины, так что конъюнкция декодированных потоков в капиталистической машине высвобождает свободные фигуры субъективного универсального либидо. Короче, открытие производственной деятельности вообще и без различия, как она проявляется при капитализме, является совокупным открытием политической экономии и психоанализа, совершенным поверх определенных систем представления... Тожество желания и труда – это по преимуществу активная утопия, обозначающая предел, который капитализм должен перейти в сфере производства желания... Абстрактный субъективный труд, представленный частной собственностью, эквивалентен абстрактному субъективному желанию, представленному приватизованной семьей. Театр частного человека есть конечная структура бесконечного субъективного представления. Структура обозначает, таким образом, бессознательное субъективного представления. Серия представления видится теперь такой: бесконечное субъективное представление (воображаемое) – театральное представление структурное представление. /Сведение машины к структуре, отождествление производства со структурным и театральным представлением/. И то же самое с производством желания... машинам желания навязывается структурное единство, которое объединяет их в молярный ансамбль; частичные объекты сводят к тотальности, которая не может выступать иначе, чем то, чего им недостает и чего поэтому недостает самому себе... это и есть структурная операция: она вписывает недостаток /отсутствие/ в молярный ансамбль. Предел производства желания оказывается сдвинутым... Формальные структурные операции – экстраполяция, приложение, двуднозначность – обрушивают исходную социальную совокупность на итоговую семейную, семейное отношение становится «метафорой всех других отношений» и мешает производящим молекулярным элементам следовать линиям собственного ускользания... театр возводит семейное отношение в ранг всеобщей структурной метафоры, из которой вытекают игра и воображаемое место персонажей, он вытесняет за кулисы игру и работу машин... Короче говоря, смещенный предел проходит уже не между объективным представлением и производством желания, но между двумя полюсами субъективного представления; как бесконечного воображаемого представления, и как структурно-законченного представления... двойной тупик субъективного представления, в котором зарождается символический и воображаемый Эдип... сделать так, чтобы «аналитическая ситуация» стала инцестуозной по своей сущности., чтобы она была доказательством и гарантом себя самой и приравнивалась к Реальности. Именно об этом в конечном итоге и идет речь... Совершенно другой путь Лакана, который разбивает круг: воображаемое единство личностей – структурное единство машин. Что толку в переходе от образов к структуре, если эта структура не выводит за пределы представления, если у этой структуры нет изнанки, подобной реальному производству желания? Эту изнанку структуры и открыл Лакан. Его задача шизофренизовать психоаналитическое поле, а не эдипизовать поле психотическое... производство желания может быть представлено лишь в функции экстраполированного знака, который объединяет все элементы совокупности, сам не будучи ее частью. Только в этом случае отсутствие связи с необходимостью становится отсутствием, а не положительной силой. Лишь в этом случае желание с необходимостью

сводится к отсутствующему термину, к самой сути которого относится «отсутствовать». Не будучи означающим, знаки желания становятся таковыми в представлении (в терминах означающего отсутствия и недостатка). Структура образуется и проявляется лишь в функции символического термина, определенного как недостаток (отсутствие). Великий Другой как нечеловеческий пол уступает место в представлении означающему великого Другого как постоянно недостающему термину, как слишком человеческому полу, фаллосу молярной кастрации... Именно здесь проявляется вся сложность позиции Лакана... привести Эдипа к точке его самокритики – задача, поставленная Лаканом, но он стремился привести также лингвистику к точке самокритики, показывая, что структурная организация означающих продолжает зависеть от великого деспотического Означающего, действующего в ней как архаизм... Что значит точка самокритики? Это такая точка, в которой структура, поверх заполняющих ее образов и символики, определяющей ее в представлении, обнаруживает свою изнанку как положительный принцип несвязности, которая ее растворяет: в ней желание приводится к своим молекулярным элементам и ему ничего не недостает, потому что оно определяется как бытие в качестве естественного и чувственного объекта, в то время как реальное определяется как объективное бытие желания... Желание – сирота, анархист и атеист. Оно сиротствует не в том смысле, что имя отца означает отсутствие, но в том смысле, что оно производит себя везде, где имена истории обозначают наличные интенсивности («море собственных имен»). Оно не фигуративно, ибо его фигурность абстрактна, это фигура-расщепление. Оно не структурно и не символично, ибо его реальность является Реальным в его производстве, в самой его неорганизованности. Оно не репрезентативно, но всего лишь машинно и продуктивно... Фром и Райх идут не достаточно далеко: связь психоанализа с капитализмом не просто идеологическая, а и экономическая; с ним связана ретерриториализация, фамилиализация детерриторIALIZED потоков желания: Эдип – последнее слово капиталистического потребления, механизм поглощения прибавочной стоимости, гигантская перверсия. Аутизм и перверсия, свойственные капиталистической машине. Возьмем к примеру, сон: да, это – перверсивная ретерриториализация по отношению к просто сну и кошмару. Но зачем превращать сон в королевские ворота желания и бессознательного?.. Но и в его лоне работают машины детерриториализации... швейная машина бабушки, велосипед младшего брата... «Поиски утраченного времени» М.Пруста как великое шизоаналитическое предприятие... рассказчик-паук ликвидирует даже свою бабушку с помощью машины для зашнуровывания ботинок. Перверсивные земли гомосексуальности... где гомосексуальность и гетеросексуальность уже не могут различаться: мир поперечных коммуникаций, где, наконец-то обретенный, нечеловеческий пол смешивается с цветами... /Превращение шизофреника в клинического больного/. Вывести из этих тупиков может только подлинная политизация психиатрии. И антипсихиатрия, вместе с Лейнгом и Купером, далеко продвинулась в этом направлении. Но нам кажется, что они еще продолжают мыслить эту политизацию в терминах структуры и события, а не в терминах самого процесса. С другой стороны, антипсихиатры локализируют социальное отчуждение и умственную болезнь и одновременно имеют тенденцию их отождествлять... но их подлинное отношение – это, скорее, включенная дизъюнкция. Общая детерриториализация потоков действительно совпадает с умственным заболеванием, поскольку она включает в себя ретерриториализации... которые превращают ее /шизофреника/ в частный поток, поток безумия, который определяется таким образом потому, что на него возлагают задачу представления всего того, что ускользает от аксиоматики в других потоках и от прикладной ретерриториализации. Во всех капиталистических ретерриториализациях можно обнаружить форму социального отчуждения в действии, поскольку они мешают потокам ускользать от системы и удерживают труд в аксиоматических рамках собственности, а желание – в аксиоматических, прикладных рамках семьи: это социальное отчуждение, в свою очередь, включает в себя и умственную болезнь...

Подлинная психиатрическая или антипсихиатрическая политика может состоять: 1) в разрушении всех ретерриториализаций, превращающих безумие в умственное заболевание; 2) в высвобождении во всех потоках шизоидного движения детерриториализации так, чтобы это свойство не могло характеризовать частный остаток как поток безумия, но затрагивало бы также потоки труда и желания, производства, познания и творчества в их глубочайшей тенденции. Безумие перестало бы существовать как безумие.. В этом направлении двигался

театр жестокости, единственный театр производства, где потока пересекают порог детерриториализации и производят новую землю... Это точка активного ускользания, в рамках которой революционная, художественная, научная, шизо-аналитическая машина становятся деталями и частями друг друга.

Позитивная задача шизоанализа: обнаружение у каждого машин желания, независимо от любой интерпретации. Шизоаналитик – это механик, шизоанализ чисто функционален. Поэтому он не может остановиться на истолковательном (с точки зрения бессознательного) обследовании социальных механизмов и технических машин. Ведь частичные объекты представляют собой молекулярные уровни бессознательного.

Тело без органов не является противоположностью частичных объектов-органов. Оно само произведено в первом коннективном пассивном синтезе, как то, что либо нейтрализует их, либо приводит в действие... Оно может, как мы видели, производиться как аморфный флюид (истечение) антипроизводства... Оно может столь же успешно отталкивать органы-объекты, как и их притягивать, ими завладеть. Но как в отталкивании, так и в притяжении оно им не противостоит, оно лишь обеспечивает свою собственную и их оппозицию организму. Именно организму совместно противостоят тела без органов и частичные объекты. Тело без органов производится как целое, но как целое наряду со своими частями, целое, которое их не объединяет и не тотализует, но прибавляется к ним как новая, отличная от них часть. Когда оно отталкивает органы, оно отмечает внешний предел чистой множественности. А когда оно их притягивает или на них обрушивается, в процессе работы фетишистской преобразующей машины, оно их не тотализует, оно их не сплавивает более тесно на манер организма... имеет место включенная дизъюнкция и номадическая конъюнкция... Желание действительно проходит через тело и через органы, но не через организм. Поэтому частичные объекты не являются выражением измельченного, распавшегося организма, последнее предполагало бы разрушенную тотальность или части, освобожденные от целого... По сути тело без органов и частичные объекты – это одно и то же, одна и та же множественность, которая должна мыслиться шизоанализом в качестве таковой. Частичные объекты являются прямыми силовыми ответвлениями тела без органов, а тело без органов – сырьем для частичных объектов. Тело без органов есть имманентная субстанция в спинозовском смысле слова, а частичные объекты – это как бы ее первичные атрибуты, которые принадлежат ей именно как реально различные и не могущие поэтому друг друга исключать, друг другу противостоят... Частичные объекты – это работающие части шизомашины, а тело без органов – ее неподвижный двигатель... Цепи как передаточные механизмы машин желания. Молекулярная цепь желания не имеет кода, предполагающего: а) территориальность, б) деспотическое означающее. Поэтому аксиоматика противостоит коду как процесс детерриториализации, но также включает в себя коды как компоненты обязательной ретерриториализации. И то и другое относится к макрототальностям. Молекулярная цепь – это чистая детерриториализация потоков, выведение их за пределы означающего. Т.е. происходит разрушение кодов, функция цепи не заключается больше в кодировании потоков на полном теле земли, деспота или капитала, но, напротив, в их декодировании на полном теле без органов. Это – цепь ускользания, а не кода... Эта молекулярная цепь еще является означающей, поскольку состоит из знаков желания, но эти знаки совсем не являются значащими, так как работают в режиме включенных дизъюнкций, где все возможно. Эти знаки представляют собой любого рода точки, абстрактные машинные фигуры, которые свободно играют на теле без органов, не образуя никакой структурированной конфигурации... Также у Лакана изнанкой символической организации структуры является реальная неорганизованность желания. Можно сказать, что генетический код отсылает к генному декодированию: достаточно понять функции декодирования и детерриториализации в присущей им позитивности... отличной и от кода, и от аксиоматики. Молекулярная цепь – это форма, в которой генное бессознательное воспроизводит себя, продолжая оставаться субъектом.

Тело без органов – модель смерти. Не смерть служит моделью кататонии, а кататоническая шизофрения служит моделью смерти: это нулевая интенсивность тела без органов. Модель смерти возникает, когда тело без органов отталкивает и свергает органы – не нужно рта, языка, зубов, вплоть до членовредительства и самоубийства... в цикле работы машины желания речь идет о постоянном переводе, постоянном превращении модели смерти в нечто совершенно другое, что является опытом смерти. Конверсия идущей изнутри

(в теле без органов) смерти в смерть, которая приходит извне (случается на теле без органов)... Опыт смерти есть для бессознательного вещь самая обычная именно потому, что она происходит в жизни и ради жизни, в любом переходе и становлении... любая интенсивность ведет в процессе жизни опыт смерти, обволакивая ее... Два несводимых аспекта смерти, по М.Бланшо, связанные с Я и Оно. Требование шизофренизовать смерть. Против фрейдовского понятия Танатоса и апологии цивилизации как противостоящей ему силы. Мы утверждаем обратное: нет инстинкта смерти, потому что имеется модель смерти и опыт смерти в бессознательном. Смерть в таком случае оказывается частью машины желания, оцениваемой в работе машины и в системе энергетических преобразований, а не как абстрактный принцип. Дуализм Фрейда, требовавший качественной оппозиции импульсов, порождает императив: Ты не разрешишь конфликт (сексуальные импульсы и импульсы Я, потом Эрос и Танатос непримиримы). Цель здесь одна: элиминировать машинный элемент желания, машины желания, убрать либидо как постоянную возможность энергетических конверсий, как машиннообразное устройство. Отсюда ложная идея энергетической двойственности, подчиненной «нейтральной» энергии Эдипова комплекса.

Почему капитализм, детерриториализующая сила, сильнее угнетает желание, чем другие, кодирующие и перекодирующие, формации? Ответ – инстинкт смерти... Коммунальное тело, как смерть закодированная вовне, предполагает невозможность смерти как Я. Там, где коды разрушены, инстинкт смерти овладевает репрессивным аппаратом и берет на себя функции управления циркуляцией либидо. Возникает погребальная аксиоматика. В таком случае можно поверить в освобожденные желания, но желания, которые, подобно трупам, питаются образами. Не желают смерти, а то, чего желают, мертво, уже мертво – это образы. Все работает в лоне смерти, все желает ради смерти. По сути капитализм ничего не возмещает, точнее, его способность возмещения чаще всего превосходит то, что должно быть возмещено. (Сколько революционных групп возникают как таковые в целях восстановления, которое еще совершится в будущем, и образуют аппарат для поглощения прибавочной стоимости, которая еще не произведена: именно это придает им видимость революционности). В таком мире нет ни одного живого желания, которое не пустило бы на воздух всю систему...

Изначальное вытеснение совершается телом без органов в момент отталкивания, в лоне молекулярного производства желания. Без него нет никаких других молярных вытеснений. Шизофреник – не революционер, но шизофренический процесс (прерывом или продолжением которого в пустоте он является) составляет потенциал революции. /По Ницше, закон отбора работает в пользу больших чисел, массы/. Он хочет тем самым сказать, что большие числа или большие ансамбли не предсуществуют селективному давлению, могущему выделить из них линии сингулярности, напротив того, они рождаются из этого селективного давления, которое давит, элиминирует и упорядочивает сингулярности. Не селекция предполагает первичную стадность, но стадность предполагает селекцию и из нее рождается, «Культура» как селективный процесс маркировки и записи изобретает большие числа, в пользу которых он осуществляется. Поэтому статистика не функциональна, а структурна... типы стадности всегда отсылают к формам, которые их производят путем творческой селекции. Порядок следования таков: не стадность – селекция, а напротив, молекулярная множественность – формы стадности, осуществляющие селекцию – вытекающие из нее молярные или стадные совокупности. Полные тела земли, деспота, капитала отличны от полного тела без органов «или голой материи молекулярного производства желания». Молекулы как формы власти не объясняются никакой целью, они сами – производители всех целей. Форма или качество того или иного социуса, тела земли, тела деспота, тела капитала-денег зависит от состояния или степени интенсивности развития производительных сил поскольку последние определяют человека-природу, независимого от любых общественных формаций, точнее, общего им всем. Следовательно, форма и качество социуса сами произведены как непорожденные, т.е. как естественная или божественная предпосылка соответствующего производства... Именно в этом смысле само общественное производство является производством желания в определенных условиях. Эти определенные условия представляют собой формы стадности, подобно социусу или полному телу, в которых молекулярные формации образуют молярные ансамбли.

Второй тезис шизоанализа: отличие либидозного группового бессознательного (или желания) от предсознательных классовых инвестиций (или интереса). Последние проходят

через большие социальные цели... В области предсознательных классовых инвестиций интереса легко отличить то, что является реакционным и реформистским, от революционного. Но тех, кто имеет интерес в этом смысле, всегда меньше, чем тех, чей интерес в каком-то смысле «имел место» или был представлен... Откуда противоречия внутри господствующего класса, т.е. собственно класса...

Но почему многие из тех, кто должен иметь или объективно имеет революционный интерес, сохраняют предсознательные инвестиции реакционного типа? Революционеры часто забывают или не любят признавать, что революцию хотят и совершают желанием, а не долгом. Здесь, как и везде, понятие идеологии является отвратительным понятием, которое затушевывает подлинные проблемы... /Можно не иметь интереса и любить, потому что любовь – модус страха/. Офицер из рассказа «В исправительной колонии» демонстрирует то, что можно назвать интенсивной либидозной инвестицией машины не просто технической, но социальной, посредством которой желание желает своего собственного подавления. Часто сами изгои страстно поддерживают систему, которая их угнетает и находят в этом свой интерес, потому что интерес всегда приходит потом. Угнетать желание не только других, но и свое собственное, быть шпиком по отношению к другим и к самому себе – вот что вызывает эрекцию, а это уже не идеология, а экономика. Капитализм принимает на себя и имеет власть цели и интереса (эту власть), но он же испытывает незаинтересованную любовь к абсурдной власти... Ну, конечно, капиталист работает не для себя и для своих детей, а для бессмертия системы. Насилие без цели, чистая радость чувствовать себя колесиком в машине, пересекаемым потоками, перерезанным шизами (прерывами)... Нечто вроде либидозного искусства для искусства, вкуса к хорошо выполненной работе, испытываемого каждым на своем месте, банкиром, шпиком, солдатом, технократом, бюрократам, а почему бы и не рабочим, активистом профсоюзного движения... /Революционность или реакционность на уровне предсознательного и бессознательного – разные вещи/. Революционные предсознательные инвестиции относятся к новым целям, новым социальным синтезам, новой власти. Но вполне возможно, что как минимум часть бессознательного либидо продолжает инвестировать старое тело, старую форму власти, ее коды, ее потоки. Это тем более просто и противоречие тем более хорошо маскируется, что новое соотношение сил одерживает победу над старым, лишь сохраняя и восстанавливая старое полное тело в качестве остаточной и подчиненной территориальности (таково восстановление прагосударства при капитализме и сохранение социалистической машины капиталистического государственного монополизма и рынка). Но дело еще сложнее. Даже когда либидо сливается с новым телом, с новой властью, которая соответствует действительно революционным целям и синтезам с точки зрения предсознательного, нет никакой уверенности, что революционной будет и сама бессознательная либидозная инвестиция. Потому что пороги на уровне бессознательных желаний и предсознательных интересов разные. Предсознательная революционная ориентация составляет продвижение социуса как полного тела, носителя новых целей, тогда как бессознательная революционная направленность имеет своей основой тело без органов как предел социуса... Революция на уровне предсознательного ведет к новому режиму общественного производства, который создает, распределяет и удовлетворяет новые цели и интересы; но бессознательная революция ведет не только к социусу, который обуславливает это изменение как форму власти, она приводит в этом социусе к режиму производства желания как перевернутой власти на теле без органов. Это – разное состояние потоков и шизов: в одном случае разрыв имеет место между двумя социусами... в другом случае – в самом социусе с позитивными линиями ускользания... Самый общий принцип шизоанализа: желание конституирует социальное поле. В любом случае оно относится к инфраструктуре, а не к идеологии. Следовательно, ясно, что группа может быть революционной с точки зрения классовых интересов и предсознательных инвестиций, но не быть таковой – даже оставаться фашистской и полицейской – с точки зрения либидозных инвестиций... Аппарат интереса не равноценен машине желания.

Революционная в отношении предсознательного, такая группа остается подчиненной группой, даже если она завоевывает власть, потому что сама эта власть продолжает угнетать и разрушать производство желания. Оставаясь предсознательно революционной, такая группа уже обладает всеми бессознательными свойствами подчиненной группы: подчинение социусу как фиксированной основе, оттягивающей на себя производительные

силы, изливание антипроизводства и смертоносных элементов в системе, которая от этого чувствует себя еще более бессмертной, нарциссизм и иерархия...

Напротив, группо-субъектом является группа, сами либидозные инвестиции которой революционны, она дает желанию проникнуть в социальное поле и подчиняет социуса или форму власти производству желания... она не дает разлиться в себе инстинкту смерти... поперечность без иерархии и группового сверх-Я. Все, правда, усложняется тем, что одни и те же лица (Сен-Жюст, Ленин) могут в разных отношениях участвовать в обоих типах групп. Или одна и та же группа может обладать одновременно двумя этими свойствами в разных, но сосуществующих ситуациях... переходы от одного типа группы к другому совершаются непрестанно... Например, никакой «гомосексуальный фронт» невозможен, пока гомосексуальность понимается в отношении исключительной дизъюнкции с гетеросексуальностью, что сводит их в общему Эдипову кастрационному корню, призванному обеспечить лишь разделение на две некоммуницирующие между собой серии...

Лоуренс показывает, что сексуальность, включая целомудрие, является делом потоков, бесконечности разных и даже противоположных потоков... Лоуренс напускается на бедность все тех же неизменных образов, фигуративных ролей, являющихся путями сексуальных потоков: невеста, любовница, жена, мать – добавим к этому «гомосексуалисты», «гетеросексуалисты» – все это распределенные Эдиповым треугольником роли... Правило великого фаллоса, которым никто не обладает, довлеет над этими ролями. «Женщина ничего не персонифицирует, у нее нет определенной, отличимой личности» (Лоуренс). То же относятся к мужчине. Тезис Фрейда: либидо инвестирует социальное поле лишь по мере десексуализации и сублимации. Он так дорожит этим тезисом потому, что хочет удержать сексуальность в узких рамках Нарцисса и Эдипа, Я и семьи. С этого момента любая либидозная инвестиция социального поля начинает казаться ему свидетельством патогенного состояния, нарциссической «фиксации» или «регрессией» на Эдипову или доэдипову стадии, с помощью которых она объясняется как скрытая гомосексуальность... На самом деле наш сексуальный выбор находится на пересечении «вибрации»... Наши либидозные инвестиции социального поля, реакционные или революционные, так хорошо скрыты, так бессознательны, так замаскированы предсознательными инвестициями, что проявляются исключительно в типах нашего сексуального любовного выбора. /Полемика Фрейда с Юнгом и Адлером, ее узкие рамки: или индивид и коллективное бессознательное, или сексуальность и Эдип. Великий Другой как социальный другой. Другой класс – это не увеличенный или уменьшенный образ матери, а не-мать, не-отец и пр./ Указатель на то, что в поле есть нечеловеческое, без чего либидо не смонтировало бы машины желания. Классовая борьба проходит по самой сердцевине желания. Это не производный от Эдипа семейный роман... мать не только мать... Она работает или нет, богаче отца или нет, а это выходит за рамки семьи. Не-семейное отношение всегда первично, в виде ли сексуальности в общественном производстве или нечеловеческого пола в производстве желания... семьи играют в Эдипа, в это великолепное алиби... но это не устраняет фундаментальное отношение с внешним, по отношению к которому психоаналитик умывает руки... Психоаналитик остается удивительно безразличным к вопросу: кто платит? Например, анализ обнаруживает бессознательный конфликт жены с мужем, но лечение оплачивает муж.

Связь психоанализа с психиатрией XIX в.: общий фамилиализм. У Фрейда либидо, становясь социальным, необходимо теряет качество, превращаясь в энергию сублимации. А сексуализация только семьи по необходимости экспрессивна. Стремятся все невротизовать. И тем самым действуют в соответствии с предназначением семьи, состоящим в том, чтобы производить невротизованных эдипизацией людей, без чего социальное подавление осталось бы без покорных субъектов... «вылеченный» субъект передает свою болезнь потомству вместо того, чтобы загнуться холостяком-онанистом, страдающим половым бессилием. Единственное неизлечимое – это невроз (откуда бесконечность психоанализа). Шизоанализ не невротизует, а шизофренизует. Невротизация в случае психоанализа предшествует неврозу. Шизофреник сопротивляется невротизации, имя отца к нему не прилипает даже в самом «модерном» психоанализе. В результате может получиться психотик или «состоявшийся шизофреник». Первое происходит, когда шизопроцессу навязывается понимание его как цели: тогда закупориваются машины желания, замыкается

на себя тело без органов. Освобождение президента Шребера в 1902 г. – начало антипсихиатрии. Но это освобождение параноика, «чистого арийца» «с уже фашизирующими либидозными инвестициями». Любой психоаналитик пригоден для курса шизоанализа. Нет революционной или реакционной любви, но есть такие формы любви, которые говорят в пользу тех или иных склонностей.

Четвертый и последний тезис шизоанализа заключается в том, что есть два полюса: а) параноидальный, реакционный, фашистский, б) шизоидный, революционный. Как стадность могла бы выжить под напором микропотоков? Она не выжила бы. Даже самый откровенный фашизм говорит языком целей, права, порядка и разума. Даже самый оголтелый капитализм говорит от имени экономической рациональности. И без этого не обойтись, потому что доводы разума странным образом зафиксированы в иррациональности полного тела... Более того, обнажения реакционной бессознательной инвестиции как лишенной смысла было бы достаточно для того, чтобы полностью ее трансформировать, перевести с одного полюса либидо на другой, шизореволюционный, ибо только желание живет жизнью без цели... Клоссовски в плане активной утопии дальше всех продвинул теорию двух полюсов инвестиции.

Искусство создает цели декодирования детерриториализации, которые пускают в ход машины желания. Венецианская школа в живописи... там, где есть гений, есть нечто, что не принадлежит более ни к какой школе, ни к какой эпохе; совершается прорыв – искусство предстает как процесс без цели, оно осуществляется как таковое. Эдипизирующая живопись, в ее числе часть абстракционизма. Такое искусство – форма Эдипова содержания, которая не имеет более нужды изображать Эдипа, потому что достаточно «структуры». А на другом, шизореволюционном полюсе искусства, его ценность измеряется декодированными и детерриториализованными потоками, проходящими ниже принужденного молчать означающего, ниже условий тождества (опыт Арто, опыт Берроуза). Это искусство достигает подлинной современности, которая состоит в высвобождении того, что с самого начала присутствовало в искусстве, но было скрыто за целями и так называемыми эстетическими объектами, под перекодированиями или аксиоматиками: чистый процесс... искусство как «эксперимент». То же относится к науке. Оторвать познание от научных аксиоматик. Насильственное подчинение ученых целям макросоциальности. Капиталисты тем более безжалостны, что не ставят машину себе на службу, а являются слугами капиталистической машины: уникальный в этом смысле класс, ограничивающийся извлечением доходов, которые – какими бы колоссальными они не были – лишь арифметически отличаются от заработной платы работающих (в то время как в более глубоком смысле он функционирует как творец, управитель и хранитель великого неприсвоенного потока, несоизмеримого с заработной платой и прибылью, который ежесекундно фиксирует внутренние пределы капитализма, их вечное смещение и расширенное воспроизводство)... излияние антипроизводства в производство осуществляется в виде реализации и потребления прибавочной стоимости, так что военный, бюрократически и полицейский аппараты оказываются основанными на самой экономике, которая прямо производит либидозные инвестиции угнетения желания... /Капитализм – это безмерная жестокость, куда хуже первобытной жесткости и террора деспота. Сдвиг самых жестоких форм эксплуатации на периферию, но умножение в центре зон сверхэксплуатации/. Не является метафорой сказать: заводы – это тюрьмы, они не похожи на тюрьмы, а являются ими. /Не прибыль, а желание определяет капитализм. Чем меньше верят в капитализм, тем лучше: он, как и христианство, живет спадом веры в него/.

Совершенно очевидно, что судьба революций связана исключительно с интересом эксплуатируемых, угнетенных масс. Проблема в том, какова природа этой связи, что это, конкретная причинно-следственная связь или связь другого рода. Нужно знать, как реализуется революционный потенциал в его отношении с эксплуатируемыми массами или «слабыми звеньями» данной системы. Массы или звенья действуют как причины и цели, которое дают начало новому социусу, или наоборот, они являются местом и агентами неожиданного прорыва желания, которое рвет с причинами и целями и переворачивает социус на другую сторону? В подчиненных группах желание еще определяется порядком причин и целей и оплетает целую систему макроскопических отношений... Единственной задачей групп-субъектов, напротив того, является разрыв с причинностью, линия революционного ускользания, и хотя можно и нужно обнаружить в причинных сериях

объективные факторы, которые сделали такой разрыв возможным – например, наиболее слабые звенья – только то, что относится к порядку желания и его вторжений отдает отчет в реальности, которую они принимают в такой-то момент, в таком-то месте.

Шизоанализ как таковой не предлагает никакой политической программы... Он не выдает себя за партию, даже за группу, и не претендует говорить от имени масс.. Мы еще слишком компетентны, мы хотим говорить от имени абсолютной некомпетентности. Кто-то у нас спросил, видели ли мы когда-нибудь шизофреника, – нет, мы его никогда не видели. Если кому-то кажется, что в психоанализе все идет нормально, мы не говорим для него, и ради него отказываемся от всего, что написали... Шизоанализ как таковой не задается вопросом о природе социуса, который явится результатом революции; он ни в коем случае не претендует прослыть революцией сам.